

Арина
Арская

A man and a woman are shown in a romantic pose. The man, in the foreground, has dark hair, a beard, and is wearing a dark suit jacket over a white shirt. The woman, behind him, has brown hair and is wearing a light-colored, possibly white, blouse. They are both looking towards the camera.

ПРЕДАТЕЛЬ

ПОСЛЕ РАЗВОДА

Арина Арская

Предатель. После развода

<https://litres.ru/74294249>

Аннотация

— У папы новая телка, — Борька бросает в угол рюкзак и зло скидывает с ног кроссовки, которые летят в разные стороны. Скрещиваю руки на груди. — Довольна? — волком смотрит на меня и сбрасывает куртку на пол. — Ты знала? Знала о ней, да? Я молчу. Знала, конечно. И знала, что Герман сегодня познакомит нашего сына со своей пассией, которая моложе меня на десять лет. — Да пошла ты, — скалится на меня. Шагает мимо, скрывается в коридоре, и я вздрагиваю, когда хлопает дверь. Закрываю глаза, и медленно выдыхаю, пытаюсь выровнять сердцебиение.

Мы разошлись с Германом после его измены. Я не смогла простить, а наш сын винит меня в разводе. Ведь папа раскаялся, все осознал и хотел все начать сначала. *** История Анфисы, старшей дочери героев из книги "Развод. У тебя есть дочь"

Содержание

Глава 1. Он готов идти вперед	5
Глава 2. Какого черта?	10
Глава 3. Давай будем взрослыми	14
Глава 4. Уходи	19
Глава 5. Ох, потеряете вы его	23
Глава 6. Сорвался с поводка	27
Глава 7. Какой-то изврат	31
Глава 8. Просто бывшая	36
Глава 9. Мои правила	41
Глава 10. Папа и зайчик	46
Глава 11. На папу кричишь	51
Глава 12. В твоём стиле	57
Глава 13. Да пошла ты	61
Глава 14. Злой цыпленок	65
Глава 15. Смешной, да?	69
Глава 16. Ты с нами поужинаешь?	73
Глава 17. Последний ужин	77
Глава 18. Сама иди в угол	81
Глава 19. Помой посуду	85
Глава 20. Мама-душнила	89
Глава 21. Я тут сам справлюсь	93
Глава 22. Чайная церемония	97
Глава 23. Папа не соревнуется	102

Глава 24. Я сама ему позвоню	107
Глава 25. Скажи!	113
Глава 26. Я зол, очень зол	119
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Глава 1. Он готов идти вперед

— Хорошо выглядишь, — комплимент у Германа выходит тихим и отстраненным. Целует в щеку в вежливом приветствии. — Привет.

А у меня сердце предательски вздрагивает, как глубокого укола тонкой иглой.

Приобнимает меня, разворачивает к столику, из-за которого встает с улыбкой красивая девушка.

Лет двадцать. Густые волосы заплетены в скромную косу. Из косметики только блеск на губах. Одета милое зеленое платье в горошек. На груди — эlegantная брошка в форме ромашки из белого золота.

— Диана, — представляет ее Герман.

— Я так волнуюсь, — шепчет она и выдыхает.

Даже краснеет, а Герман спокоен. И в этом спокойствии он бесконечно далек от меня.

— А это моя бывшая жена Анфиса.

От “бывшей жены” игла входит глубже в сердце.

Я знала, что это однажды произойдет, но оказалась совершенно не готова к новой серьезной любви моего бывшего мужа.

Совсем.

Он все-таки сдался. Он больше не будет доказывать, что у нас еще может все получиться, если сделаем шаг друг к

другу.

Я была гордой и храбрилась, что новая женщина у Германа не выбьет меня из колеи, но у меня потеют ладони и сбивается дыхание.

— Я рада познакомиться...

Диана хочет меня обнять, но потом понимает, что это слишком фамильярно для минутного знакомства, смущается и неловко улыбается.

— Блин, я не знаю, как вести себя с бывшими женами.

— Как с обычными людьми, — усмехаюсь я.

Герман и Диана смеются над моей удачной шуткой, а я хочу сбежать, но вместо этого сажусь за стол.

Наблюдаю, как Герман опускается рядом с Дианой и нежно сжимает ее ладонь. Тут точно все серьезно. Обмениваются взглядами.

— Мы чай заказали, — Диана опять мило улыбается.

— А я решил обнаглеть и заказал твою любимую пасту с креветками и салат с бурратой, — говорит Герман, и будто острым ножом проходит по сердцу.

Он знает мои привычки, мои предпочтения, но сидит рядом с другой женщиной.

— Спасибо, — сдержанно отвечаю я. — А то я только позавтракала.

Воцаряется молчание, в котором я хочу перевернуть стол с криками, но его нарушает тихий голос Дианы:

— Герман говорил, что ты дизайнер одежды.

— Да, — киваю я.

— Круто, — подпирает лицо кулачками.

— А ты?

Мне же тоже надо поинтересоваться личностью, возможно, будущей жены бывшего мужа.

— Я скучная, — морщит нос. — Закончила экономическое и поработать успела только младшим менеджером в отделе по поддержке клиентов пару месяцев.

Не хочу быть сукой, но, похоже, Герман учится на своих ошибках. Милая простушка без связей, твердой земли под ногами и финансовой независимости.

Такую можно скрутить в бараний рог и воспитать под себя.

Либо Диана хорошо играет милую скромную девочку, а сама под этой косой, чистым лицом — зубастая акула.

— Это очень мило, что Герман помог тебе реализоваться, — продолжает с восторгом вещать Диана.

— Боюсь, это не моя заслуга, — Герман тянется к стакану воду. — Анфисе родители помогли с бизнесом и реализацией ее талантов. Это было обязательное условие перед нашей свадьбой. Она должна была открыть свое дело, о котором мечтала.

— Оу... — опешив, ойкает Диана, но через секунду с улыбкой продолжает, — тогда родители у тебя молодцы.

— Вот с эти соглашусь, — киваю я.

— А я спорить не буду, — Герман хмыкает. — Есть чему

у них поучиться.

В его кармане вибрирует телефон, который он выуживает с недовольным вздохом. Пялится в экран и встает:

— Так, девочки, на пару минут вас оставлю.

— А кто звонит? — спрашивает Диана.

Точно все серьезно, раз она позволяет себе такие вопросы.

— Отец, — отвечает Герман и торопливо покидает зал уютного кафе с деревянными стенами и яркими цветными креслами.

Молчим с Дианой, и я какбы понимаю, что должна сейчас из вежливости поинтересоваться, как она познакомилась с Германом, и просто расспросить о ее жизни.

Если Герман решил меня с ней познакомить, то будет свадьба, и наш сын с дочерью получать к нынешним проблемам вторую жену любимого папочки.

— Анфиса, — Диана взволнованно поглаживает край столешницы, поднимает взгляд и шепчет. — Надеюсь, у нас выйдет подружиться.

Лучше бы она спросила, почему мы с Германом развелись, а не верила в дружбу с бывшей женой, которая хапнула дерьма от мужа.

— И с детками тоже...

У меня глаз дергается. Уже и про деток моих думает?

Не о том ты беспокоишься, дорогуша.

— Герман говорил, что у вас был тяжелый развод, — Диана кусает губы.

— Да я бы так не сказала, — взгляда не отвожу.

— Для него был тяжелым, — поправляется Диана и слабо улыбается. — Но все это в прошлом. Он готов идти вперед. Со мной.

Глава 2. Какого черта?

Два года назад

— Привет, — улыбаюсь я и без стыда сажусь за стол, а за ним замер мой муж и его любовница, с которой он решил красиво отужинать под живую музыку.

Она — в узком черном платье, в дорогих блескучках на шее и в ушах.

Он — в строгом твидовом костюме, сшитом у одного из итальянских мастеров на заказ. Герман у меня — эстет.

А я в синем спортивном костюме. Цвет уже немного вымылся из-за множества стирок, но, блин, это самый удобный костюм, а на встрече с любовницей мужа для меня главное — удобство.

В красоте, соблазнительности я уже проиграла, раз Герман пошел налево. Бессмысленно кому-то что-то доказывать высокими каблуками, обтягивающими платьями.

Я проиграла.

— Оставь нас, — неожиданно строго и с явным презрением обращается Герман к своей красавице.

Мужчины удивительные существа.

Я знаю, что до этого момента в нем не было презрения к Алине, и видела, как он смеялся и как с предвкушением смотрел на нее, а теперь голос полон отвращения к объекту обожания.

— Пусть останется, — беспардонно лезу в его тарелку и подхватываю пальцами стрелку спаржи. Закидываю в рот, не спуская с него внимательного взгляда. — Поздно ее проглотить, раз я тут.

— Герман, она права, — Алина с наигранной печалью вздыхает, когда Герман вновь кидает на нее строгий и злой взгляд. — Теперь нам можно не скрываться.

— Действительно, — вытираю пальцы о салфетку и откидываюсь назад, устало глядя на нее. — Хотя я бы не сказала, что вы очень скрываетесь.

Нашему старшему сыну одиннадцать, а младшей дочке только годик. Сейчас они дома у моих родителей, а я тут. В ресторане с хрустальными люстрами у потолка и талантливым пианистом, чьи пальцы выбивают минорную мелодию.

— Это конец, Герман, — вновь смотрю на мужа.

Последние месяцы были похожи на ад с сомнениями, подозрениями и ревностью, но сейчас, когда я получила подтверждение того, что муж мне изменяет, я хочу смеяться и я смеюсь.

Над собой и над той уверенностью, с которой я выходила замуж, что я точно не буду той, кому изменяют. Я не позволю этому случиться, ведь мои родители прошли через жесткий кризис в отношениях, и вместе с ними я научилась многому.

И я с мужем не дойду до измен и обмана, но самоуверенность всегда жестоко наказывается.

— Проваливай, — рычит Герман на Алину. — Повторять

не стану.

То есть сейчас он принял мою сторону?

Очень мило, но зря, потому что Алина в красивом коротком платье в обиде на злого “пусю” решит отыгаться на мне.

И она это делает, потому что ее женское самолюбие требует реванша, а я тут такая стремная в спортивном костюме сижу с капюшоном на голове.

— Он любит, когда берут поглубже до самых яиц...

Ну, это же святое дело похвастаться перед женой своим крутым мастерством, задоминировать лохушку, которая не хочет себя насиловать и глотать член мужа до самых яиц.

Потому что он большой, и мне больно. Неприятно от этих рвотных спазмов, слюней и соплей по всему лицу.

И нет, я не ханжа, которая отказывает мужу в оральных ласках и чувствует отвращение. Вовсе нет. Просто у меня в арсенале другие техники, которые тоже приносят удовольствие до рыка и дрожи в теле.

Герман подрывается после слов Алины, грубо хватая ее за предплечье и тащит прочь:

— Я тебе сказал оставить нас!

Вот так. Сначала тайные звонки, подарки, романтические ужины, пока жена у родителей проводит выходные, горячий секс, а потом грубость и даже ненависть в глазах, которых вот только пять минут назад вспыхивало томное желание.

Какие нехорошие жены. Все портят.

Другие посетители косятся на Германа, который букваль-

но выволакивает Алину из главного зала в фойе.

Все кончено.

Придвигаю тарелку Германа с румяным стейком и гарниром из спаржи к себе. Я кормящая мамочка, и никто не отменит этот дикий жор. Даже измена мужа. Отрезаю кусок мяса, лезвие ножа неприятно скрипит по фарфоровой тарелке.

Все кончено.

Я любила, и хотела семейного счастья и уюта, в котором можно спрятаться от всех невзгод.

Отправляю кусок мяса в рот и тщательно жую, игнорируя любопытные взгляды, в которых можно прочесть недоумение, сочувствие и напряжение. Будет ли громкий скандал?

Но скандалят те, у кого есть надежда.

А у нас все кончено.

Я разведусь с Германом. Возможно, во мне нет женской мудрости, которая позволила бы перевоспитать мужа и сохранить семью.

Жую сладковатый кусочек мяса и наблюдаю, как Герман размашистым шагом возвращается ко мне. Высокий, широкоплечий и суровый красавчик с темными хищными глазами.

— Анфиса, — вот он уже стоит у стола и смотрит на меня тяжелым взглядом, — ты должна была быть у матери с отцом. Какого черта...

Глава 3. Давай будем взрослыми

Два года назад

— Анфиса, да послушай ты меня!

Герман рывком разворачивает меня к себе. Злющий, как черт:

— У нас же дети!

— О детях ты не думал, когда завел любовницу, — всматриваюсь в глаза Германа. — Никто тебя их не лишит, но разводу быть, Гера.

— Прекрати, Анфиса, — сжимает мое предплечье, когда я хочу вырваться из его захвата. — Но ты не можешь отрицать, что в постели у нас...

— Замолчи, не закапывай себя еще глубже, — цежу сквозь зубы. — И оправдания мне твои не нужны. И разговоры тоже. Любишь? Тогда ты сейчас поедешь домой, соберешь свои вещи и свалишь нахрен...

— Анфиса, — глухо рычит он.

— После выходных мы пойдем чинно и мирно к адвокату, начнем оформлять документы на развод без споров, скандалов и угроз, — взгляда не отвожу. — Запускаем процесс и, — приподнимаю подбородок, — и после нас ждет серьезный разговор с родственниками, с сыном, а Афинка маленькая, — мою глотку все-таки схватывает болезненный спазм.

Маленькая, но скучать будет.

— Анфиса, послушай меня...

— Да нечего тебе сказать! — рывкаю я. — Нечего, раз ты начал с самого отвратительного! С того, что у нас что-то не так в постели! Глубокой глотки не было? Вот какое у тебя оправдание? Ты порнухи пересмотрел?!

Мимо с круглыми глазами проходит пожилая женщина с красным платком на шее. Да, мы решили посрать на тротуаре у парковки ресторана, и мне пофиг. Мне стыдно. Моя семья разрушена.

— Мы можем поговорить, Анфиса.

— Давай сразу уясним, — хватаю его лацканы пиджака, — я не буду оспаривать того, что я бревно в постели, что не сосу, как пылесос, что не подставляю жопу и что ты такой весь бедный несчастный и недотраханый, — в тупой ярости вглядываюсь в его глаза. — Я не буду спорить и принимаю твою правду, поэтому отпускаю на все четыре стороны в поисках огненного секса.

И я вижу в его глазах осознание того, что он зря ляпнул о наших проблемах под одеялом. Это подлый и низкий прием, который затрагивает женские комплексы и страх, что ее неопытность — причина всех проблем с мужем.

А меня сейчас тема секса злит, потому что мужики совсем уж охамели, решив, что их тяга к экспериментам и неудовлетворенность оправдывает ложь и любовниц.

— Ты меня прекрасно знаешь, Гера, — недобро шурюсь на молчаливого мужа. — Я не боюсь остаться с двумя

детьми, и давить на эту тему не стоит.

— Ты-то справишься, — он усмехается, — а они? Им не нужен отец? Уж тебе ли не знать, что в каждой семье случаются кризисы и все можно решить, если есть желание.

Вот мудак.

Это он сейчас про моих родителей, а именно про мою маму, которая смогла принять и полюбить внебрачную дочь отца. И эта женская самоотверженность действительно спасла нашу семью и возродила доверие, но в Германе нет того, что тогда было в моем отце.

В моем отце был надрыв.

А в Германе много самодовольства и чувства безнаказанности.

— Вот оно что, — усмехаюсь я. — А во мне нет этого желания что-то сохранять между нами. И я не моя мама, Герман, а ты — не мой отец. И нас ждет развод. Хорошо, давай устрой мне головомойку, потрепи нервы, только ради чего?

Герман разжимает пальцы, смотрит на меня сверху вниз и молча хмурится, а затем говорить:

— Ты готова ради своей гордости все разрушить? Я мужчина, Анфиса...

— Вот я и облегчаю тебе жизнь, дорогой, — смеюсь. — Развожусь, и бегай спокойно по бабам сколько душе угодно.

Прелесть. Какие глупые оправдания у моего мужа: пресный редкий секс и его мужское эго.

Грудь ноет, и я чувствую как намокают вкладыши в бюст-

гальтере от молока. Время кормить свою крошку, а я торчу с Германом у парковки.

Все кончено.

И Герман это прекрасно понимает, поэтому он пытается хоть за что-то зацепиться, чтобы царапнуть меня, а я не царапаюсь.

Я приняла решение, и он может лишь усложнить мне жизнь скандалами и угрозами.

— Я дам тебе время на подумать, — Герман нервно и немного дергано поправляет галстук. — Ты сейчас на эмоциях... У тебя еще гормоны бушуют.

А у меня ни слезинки.

Это, конечно, плохо, потому что потом может накрыть в любой момент паникой, тоской и ужасом, но сейчас я закрылась.

— Ясно, — усмехается. — Ты ведь рогом теперь упрешься, чтобы доказать, как ты обиделась.

— Собери вещи, — встаю на цыпочки и ищу в его зрачках хоть искру вины передо мной. — Давай организуем все тихо. И подойдем к разводу, как взрослые люди.

Из-за угла ресторана появляется его краса Алина. Видимо, она очень непослушная девочка и отказывается вот так просто взять и уйти.

Да и к тому же глупо упускать такой момент. Жена все узнала, ратует за развод с “пусей”, поэтому нельзя оставлять Германа.

— Ты ведь пожалеешь об этом, — он выдыхает через раздутые ноздри. — Все можно решить, ты просто не хочешь. Может, тебе стоит побеседовать на эту тему с мамой, а? Поучись у нее. Она ведь приняла то, что твой отец в первую очередь мужчина.

Глава 4. Уходи

Два года назад

— Папа больше не живет с нами... Мы расходимся.

Борька молчит и раздувает ноздри.

Герман эти дни уговаривал меня подумать, дать ему время, просил не быть такой упрямой сукой и подумать о детях.

— Он все еще ваш папа, — продолжаю я. — Просто мы приняли решение разойтись.

Не надо одиннадцатилетнему мальчику знать того, что его папа больше с нами не живет из-за походов налево.

— Нет! — рявкает Борька.

— Борь, — тихо говорит Герман. — Мы дадим тебе выбор, с кем ты останешься...

Я аж теряю дар речи, потому что вот этого я с Германом не оговаривали. Борька останется жить со мной, а его отец станет воскресным папулей.

— Он останется со мной, — шепчу я.

— Он уже может решать, с кем жить, — Герман переводит на меня бесстрастный взгляд. — Афинке ты еще нужна без вопросов, Фиса. А Борис...

— Это низко, Гера... Он мой сын.

— И мой, — Герман щурится. — Сын, а не собственность, и имеет право на выбор.

Меня начинает потряхивать, потому что он прав. Наш сын

имеет право на выбор постоянного проживания, и я не должна сейчас истерить и скандалить. Я же умная и современная женщина.

Юорька поднимается с ковра на ноги, смотрит сначала на меня, потом на Германа и кричит:

— Нет!

И выбегает из гостиной. Острые коготки вины скребут сердце.

Может, я зря встала в позу перед мужем в вопросе развода?

— И оно того стоило, Фис? — Герман смотрит на меня.

— Этот вопрос я должна тебе задать. — Оно того стоило?

— Нет, — верхняя губа Германа дергается. — Не стоило, но тебе-то все равно. Ты всем тут решила доказать, какая ты сильная и независимая. Какая ты гордая.

— Обалдеть, это ты по бабам пошел, а я в итоге оказалась виноватой, — встаю. — И нет никакого толка от твоих “прости”, “я запутался”, “я ошибся”.

Мне больно на него смотреть.

И отчасти мне приходится согласиться с его словами, что я хочу доказать, какая я гордая. Он сильно укусил мое самолюбие, и я не хочу с ним ни разговоры вести, ни искать причины, ни принимать и ни понимать.

— Если Боря решит жить со мной, Фиса, то ты не станешь этому сопротивляться, — взгляд у Германа холодный и пронзительный.

Он понял, что я не намерена его слушать, идти к нему навстречу и распускать слезы и сопли, и этого его бесит и обижает.

И злит.

Он не имеет надо мной никакой власти.

Я способна и готова, если что, бороться. За моей спиной — семья, да и сама я не тупая беспомощная клуша.

У меня есть свой небольшой бренд одежды и несколько-ателье с десятком подчиненных мне швей. Конечно, Герман будет повыше меня, он же заправляет логистической империей, но я с голода не умру и детей прокормлю даже без его алиментов.

И мне ничего от него не нужно.

Лишь бы ушел и оставил меня в покое.

Но он же отец-молодец и мне точно обеспечены веселье в первые несколько лет после развода, пока Германа не охмурит какая-нибудь женщина и не затянет под венец.

С Алиной же он порвал.

И она уже мне названивала с истериками, что я буду тупой терпилой, если приму его. Уж несколько номеров заблокировала.

— Мы бы могли бы все начать сначала, Фиса, — Герман поднимается на ноги, делает ко мне шаг и протягивает ко мне руку. — Мы можем сходить к психологу. Это сейчас очень модно.

Я улавливаю в его голосе насмешку над теми, кто обраща-

ется к семейным психологам.

— Вот и сходи, — отступаю.

Слышу топот ног по лестнице, и понимаю, что Борька нас подслушивал. И я вполне могу стать для него врагом.

Я же сама категоричная, и сын у меня такой, но обида на Германа тяжелее веры, что у нас с ним есть шанс на счастливое будущее.

Радионяня в форме розового кролика на столики коротко шикает и разрывается криками Афины.

— Уходи.

— Я пойду успокою сына, — хмыкает Герман.

Неужели вместе с мужем я потеряю и сына, который встанет на его сторону? А Борька может, потому что он любит папу. Папа у нас хороший, да, любимый и крутой.

— Не смей настраивать его против меня...

— Да ты сама с этим уже справляешься, — Герман поскрипывает зубами. — Ты прекрасно знаешь, что мальчику важен отец. И он у него будет.

Радионяня продолжает кричать и захлебываться в слезах.

— Иди к нашей дочери. Сисек с молоком, увы, у меня нет, — едко огрызается Герман и выходит из гостиной. — Только в этом у тебя сейчас преимущество перед нашей дочерью.

Глава 5. Ох, потеряете вы его

Два года назад

— Если вы разводитесь, то почему... почему он взял и заблокировал меня? А?

Алина приперлась в одно из моих ателье и требует у меня ответов, почему мой муж порвал с ней отношения.

— Уходи, — стягиваю с шеи сантиметровую ленту. — Я не отвечаю за поступки почти бывшего мужа.

Я так и не плакала.

Даже когда сын показательно собрал вещи в рюкзак и вместе с папой ушел.

От меня тогда будто с мясом и кровью душу выдрали, но я так и не плакала. Сидела у кровати с Афиной и даже ни о чем не думала.

Борька, конечно, через пару дней вернулся. Закатил истерику со слезами, что он не хочет, чтобы папа жил отдельно. Мы должны жить все вместе, и что совместная опека полная фигня.

Я не выдержала и сказала, что мы не можем жить вместе, потому что у папы новая тетя появилась.

Это было отчаяние. Я, правда, хотела обойтись без подробностей об измене Германа, который после гневного и истеричного звонка сына приехал.

Он загнал меня на кухню, запер дверь и прорычал:

— Решила все же мне войну объявить?

— Ты думаешь, это война? — сказала я тогда. — Это правда! Правда о тебе! Если ты мужик, то неси ответственность за свои потрахушки!

— Ты рушишь нашу семью! Он тебе этого не простит!

И устроил Герман мне осаду с цветами, попытками поговорить и заверениями, что он все осознал, а меня от него воротит.

— Если он не с тобой и не со мной, то с кем? — Алина не планирует сдаваться и отступать.

— Без понятия.

Настырная, наглая мерзавка, которая не понимает, что с ней было весело и забавно ровно до того момента, пока я не узнала.

— Может, ты с ним поговоришь?

— Что? — я аж теряю дар речи. — Поговорю о чем? О том, чтобы он к тебе вернулся?

А после я смеюсь. К нам выглядывает главная закройщица, и я цежу сквозь зубы Алине:

— Вали нахрен. Совсем, что ли, мозгов нет?

— А чего сразу оскорблять?

— Ты, блять, спала с моим мужем! — Вскрикиваю я.

Мне уже все равно, что меня слышать мои подчиненные. Я устала. Меня выматывает сын, бессонные ночи с годовалой дочерью, встречи с адвокатами и Германом, и не буду я сейчас играть тихую и забитую жену.

— Тупая гадина! — я выталкиваю Алину за дверь, щелкаю замком и рывком опускаю ролл-шторы. Приваливаюсь к косяку спиной и рычу. — Вот же сука.

— Я так и не пойму, почему мужиков в определенный момент всегда тянет к пустоголовым? — закройщица сердито подбоченивается.

— А я не хочу понимать, — выдыхаю я. — Не хочу, не буду... — закрываю глаза. — Мы разводимся и точка. И сыну придется это принять, — поскрипываю зубами, — придется.

— Он его выбрал, да?

— Я не знаю, — сглатываю. — Он-то у меня, то у Германа, но...

— Но папуля предпочтительнее, да?

— Даже после всей правды... Он так и не отвернулся от него. Я и не хотела, чтобы отворачивался, но не так... Я становлюсь врагом.

— Надо дождаться другой бабы, — закройщица со знанием дела вздыхает. — Не вот такую идиотку, а ту на которой жениться вздумает.

Ее слова меня больно кусают.

Это глупо. Я хочу избавиться от Германа, но вместе с этим противлюсь мысли, что он может быть еще раз женат.

Измены и тупые любовницы — это одно, а брак с другой женщиной — это другое.

Если я приняла решение развестись и довела все почти до финишной прямой, то мне должно быть все равно, как

сложится жизнь Германа.

Или я жду того, что он все же докажет мне, что ошибся, своим гордым одиночеством?

Я бы хотела, чтобы он никого больше не встретил, страдал от того, что потерял идеальную жену и принял обет сурового безбрачия.

— Второй раз женится и отвалится, — закройщица потягивается. — И к детям охладает, ведь появятся новые. Это так у них работает.

Закусываю губы.

То есть моего сына ждет еще одно разочарование в жизни. Он не будет больше важен отцу, когда появится новая лялька.

— И долго они не терпят, — фыркает закройщица. — Да и на Германа сейчас после развода просто слетятся. Он же у тебя такой красавчик. При бабках. Сурьезный бизнесмен, — настороженно косится на меня, — ты готова к такому, а? Может, ты его помуржишь, а потом... простишь? М? Ну, они же тупые, Фиса. Кобели. Да и пацаненку твоему нужен отец. Не на половину. Ох, потеряете вы его.

Глава 6. Сорвался с поводка

— Мне остается только пожелать вам счастья и того, что вы не пройдете через то, что мы прошли, — мило улыбаюсь, жирно намекая, что Герман у нас “ходок”.

Мне не нравится то, что я сейчас испытываю.

Тогда в зале ресторана, облаченная в растянутый спортивный костюм с пятнами молока на груди, я была в другом состоянии.

Да, Герман обидел меня своей изменой, но во мне было больше уверенности, чем сейчас в стильном деловом костюме, узких шпильках и идеальной укладкой на голове.

А еще поедом жрет ревность.

К Алине не было ревности.

По большей части я почувствовала брезгливость к ней и какую-то жалость.

Потому что я знала, что она — временный вариант для тупых потрахушек и всплесков адреналина.

Я знала, что в Германе нет к любовнице чувств, которые могли бы перейти на уровень сожительства, общего быта, а тут он впускает Диану на личную территорию. В свою берлогу.

— Знаешь, я встретила его в непростой период, — Диана тоже улыбается. — Мы много говорили, и я думаю, что у нас... ммм... знаешь... очень тонкая настройка друг на дру-

га...

Спросить или не спросить про горловой минет?

Я должна быть выше этого, но я будто со стороны слышу свои тихие ехидные слова:

— Тонкие настройки на серьезную глубину...

Кажется, Диана не вкуливает моего сарказма и намека, однако я понимаю... нет, я чувствую недовольство Германа прямо за своей спиной.

Он вернулся.

Диана улыбается еще шире. На ее щеках появляются милые ямочки, а в глазах не хватает сердечек.

У меня сейчас зубы раскрошатся от сладости этой милой булочки.

Ведь вот такое и нужно мужикам. Не всем, но большинству. И как бы меня это ни бесило, но я понимаю, почему Герман связался с Дианой.

— Болтаете?

Герман возвращается к Диане. Приобнимает ее и целует в висок.

Меня простреливает от макушки до пят яростью, потому что я помню, как он также целовал меня в висок. И я помню, как от этого небрежного, но нежного “чмока” на несколько секунд накрывает уютным теплом и сладкой эйфорией.

И теперь глаза щурит Диана. И она же прижимается к нему со смущенной улыбкой.

— Я замерзла чуток, — Дианочка ежится.

Герман расстегивает пиджак, и я не могу отвести взгляда от его пальцев, которые ловко справляются с плоскими круглыми пуговицами.

Прошло два года.

Я приняла решение закрыть эту страницу.

Но какого черта я сейчас хочу перевернуть стол и закричать на Германа, будто именно сейчас я осознала его прошлую измену.

Я теряю его?

Эти два года он был, так или иначе, рядом.

Он следил за мной. Нарывался на внезапные встречи, в которых я твердо отказывалась от разговоров с ним. Крутился с Борькой, с которым налаживал общение. Долбил к моим родителям, которые по моей просьбе не лезли в наши отношения. Раздражал звонками.

Кричал, рычал, бил стены, просил второго шанса или хотя бы возможности поговорить.

Выходит, что с этими эмоциональными качелями я пребывала в уверенности, что он все еще на моем поводке, но он сначала затих, а потом сорвался незаметно для меня.

Снимает пиджак и накидывает его на плечи Дианы. До меня долетает волна парфюма, который я не узнаю. Он не изменяет древесным и мшистым ноткам, но запах другой. Не тот, которым я наслаждалась годами, уткнувшись в его грудь.

— Спасибо, — Диана краснеет, кутаясь в пиджак из тонкой серой шерсти.

И тут наши с ним взгляды встречаются. Чужой. Как бы странно это ни было, но эти два года в разводе он все еще был моим, но не сейчас.

И мне больно.

— Я дом собираюсь покупать, — Герман не дергается и не тушуетсЯ.

Прикусываю кончик языка и затем, через секунду, с небольшим ехидством спрашиваю:

— Тебе нужен мой совет?

— Нет, — Герман качает головой. — Я вновь выкупаю...

Я знаю, что он сейчас скажет. Он выкупает наш дом, который я продала год назад. После развода он оставил его мне, Борьке и Афине, а я психанула и оформила его продажу не без помощи юристов моего отца.

Герман тогда был просто в ярости, и я даже испугалась того, что он может меня убить, но все обошлось.

— Выкупаю, да, — Герман кивает. — И в цене скакнул, Фиса, в два раза. Долго думал, стоит ли, но Борька вернет свою детскую. Он по дому скучал. Вечно про него говорит.

— Хороший дом, — соглашается Диана. — Очень светлый и дышится в нем легко. Надо чуток освежить ремонтом.

Глава 7. Какой-то изврат

— Зачем? — накалываю на вилку креветку.

То ли Диана улавливает напряжение Германа, то ли по моему лицу понимает, что разговор сейчас свернет с пути дружелюбной посиделки, но она встает и шепчет:

— Отойду и припудрю носик.

И торопливо уходит, перекинув косу за плечо.

Очень интересно. Дает Герману шанс вывернуться на меня или это очередная показуха для него “смотри, какая я внимательная и деликатная крошка”?

— За тем, что я хочу вернуть этот дом, — Герман пожимает плечами, и его глаза темнеют от злости. — Я его оставил тебе и нашим детям, а ты его продала, Фиса. С отцом через незаконные сделки.

Я в ответ могу лишь приподнять подбородок. Ну, было дело, потому что я хотела избавиться от этого дома, и меня не волновали условия или возможные претензии в тот момент. И да, мы схитрили, потому что в этом доме были прописаны доли наших детей.

— Знаешь, я потратил много времени, чтобы его вытащить из всего того, что вы нахуевертили, — недобро щурится. — Хотел побеседовать на эту тему с твоим отцом, но решил, что это бессмысленно.

— Ты не мог купить другой дом?

— Я хотел вернуть этот. Он мне нравится, и не стану от него отказываться.

— Это был наш дом... — я все же не выдерживаю. — Как ты не понимаешь...

— И ты наш в кавычках дом продала, — Герман вздыхает и откидывается назад, холодно глядя на меня. — Прдала, Фиса, хотя были оговорены четкие условия при разводе. И ты на них согласилась. Верно? А потом поступила по-своему.

— Мне не нужен был этот дом.

Я сама загоняю себя в ловушку, потому что с каждой секундой теряю самообладание.

— Раз не нужен, то какие сейчас претензии?

Логика на стороне Германа, а на моей — тихая и беспощадная истерика, которой нечего противопоставить бывшему мужу.

— По условиям нашей совместной опеки, которая подразумевает и то, что я участвую в вопросах организации места проживания наших детей, ты была обязана со мной обсудить продажу дома, Фиса.

А теперь он мне изящно говорит о том, что я, дура, не исполняю условия совместной опеки, и под всем этим подразумевает, что у меня могут быть проблемы, если он решит взбрыкнуть.

Я откладываю вилку. Аппетита совсем нет, и креветки отдают мерзкой кислинкой. Делаю глоток воды:

— Но это все равно какой-то изврат.

— У тебя свои взгляды на жизнь, — Герман усмехается, — для меня изврат соглашаться на одни условия при разводе, а потом...

— Хватит, — раздраженно перебиваю я его. — Это уже неважно.

— Удобно, — Герман смеется. — Хотя ты себе не изменяешь, Фиса.

— Зато ты мне изменял, — поскрипываю зубами.

— Ну, конечно, — смотрит на меня прямо. — И разве можешь ты без сарказма, игры слов и подколок, да?

Я успеваю прикусить язык прежде, чем сказать, что он предпочитает дам попроще или совсем дурочек. И дело не в том, что я не хочу показывать Герману злость.

Это будет некрасиво по отношению к Диане. Оскорблять человека за его спиной? Некрасиво и низко.

Отставляю стакан, прижимаю холодные пальцы к переносице и выдыхаю.

— Я правда не считаю это правильным.

Ну да, и я надеюсь на то, что Герман сейчас меня услышит?

Я не должна была продавать дом, но тогда меня не волновало, а считает ли Герман это правильным или нет. Мы же в разводе. И пошел он в жопу. Я хотела избавиться от этого дома и меня ничего не волновало.

Это было для меня важно. Я думала, что обрываю все свя-

зи с прошлой семейной жизнью, будто вместе с домом отдаю другим людям и свою боль.

Герман разве меня поймет?

И мне, правда, стало легче, когда я закрыла сделку и отдала ключи, но, похоже, это была лишь иллюзия.

И я так люблю обманываться.

— Блин, я чуть не заблудилась по пути к уборной.

Диана громким и восторженным голосом предупреждает, что вернулась и что если есть желание сказать лишнего, то лучше промолчать. Садится под бочок к Герману. Смотрит на терелку с моей пастой, потом на меня и хмурится:

— Невкусно?

Хочется съязвить на тему, что она может доест за мной объедки, ведь ей не привыкать, и до боли щипаю себя за запястье под столешницей.

— Аппетит пропал, — перевожу взгляд на Германа. — Слушай, мне пора. Борька с серьезным разговором сегодня на тебе.

— Я бы хотела еще и Афиночку увидеть, — щебечет Диана. — Познакомиться.

Я ее готова убить. С особой жестокостью и фонтанами крови.

— Разберитесь с Борькой, — вздыхаю я, устало глядя на Диану. — Я тебя не пугаю, но предупреждаю, что он если и котенок, то острыми и большими когтями.

От Борьки достанется всем, а не только милой Дианочке с

красивой и скромной косой. Всем. В том числе и мне. Мне, возможно, больше всего прилетит, ведь это я не простила папу, который очень хотел все исправить.

И переезжать из проданного дома Борька не хотел и был очень против его продажи, и я должна признать, что шаг с выкупом дома — выигрышный в сложившейся ситуации.

— Вероятно, не обойдемся без психов, — Герман тяжело вздыхает. — Главное, не потакать ему и очертить границы. Надеюсь, ты со мной сейчас согласна.

Глава 8. Просто бывшая

— Может, — Дианочка с надеждой смотрит на меня, — у тебя есть советы?

Я не сразу догоняю, чего она от меня ждет. Недоуменно моргаю и накидываю сумку на плечо.

Одно желание — трусливо слинять и спрятаться, но у меня такой роскоши нет. Мне сейчас надо бежать на студию, чтобы отснять новую коллекцию, затем в головной офис проверить договора на поставку тканей и фурнитуры, затем бежать на встречу с маркетологами и блогерами, которые продвигают в сети мой бренд, а после — в детский сад за Афинкой.

— Как себя вести с Борисом, — поясняет Диана.

А, может, все-таки схватить графин с водой и разбить его о голову Дианы? Советы? Какие блин советы, когда я сама с ужасом ожидаю Борькиных возмущений, которые могут стать началом конца наших отношений с ним?

В его видении это я допустила, что у папы появится новая тетя. Я. И я понимаю его логику, потому что сама была таким же категоричным, вредным и жестоким подростком.

— Улыбаемся и машем, — горько усмехаюсь я. — Вот и весь совет.

— Анфиса любит сарказм, — Герман хмыкает, когда Диана недоуменно хлопает глазками на него. — Перевожу.

Смотрим по ситуации.

— Да, это я имела ввиду, — киваю и встаю из-за стола, — смотрим по ситуации.

Я бы сейчас еще съехидничала, однако тогда я покажу, что меня встреча с новой любовью Германа очень задела.

А я не хочу, чтобы мой бывший муж утвердился во мне, что я все еще не излечилась от нашего разрыва.

И обалдеть, как меня сейчас ломает.

Я ему больше не супруга. Он свободный орел, а Диана не сука, которая мутит с женатым мужиком и бежит к нему на тайные встречи.

— Я пойду.

— Подожди, — Герман встает, а у меня сердце предательски ухает куда-то в пятки. — На следующей неделе предлагаю встретиться с адвокатами, медиаторами и обсудить вопрос того, что Афина уже может оставаться у меня.

— Нет...

— Тогда я не предлагаю, а требую, — сдержанно улыбается. — Я отец, у нас совместная опека и я раньше соглашался, что Афина еще маленькая, но...

Мне не нравится этот прищур, который не обещает ничего хорошего.

— Маленькая, — всматривается в глаза, — такая маленькая, что с отцом нельзя оставлять, но с бабушкой и дедушкой, да.

— Это же... бабушка и дедушка.

— А я отец, — Герман взгляда не отводит. — Пора не только Борису приезжать ко мне в мои недели, но и Афине. Он загнал меня в угол, как умелый охотник.

— Герман, — сглатываю я.

— А еще, — он делает ко мне шаг, — можно не только с бабушкой и дедушкой Афину оставить, но и с посторонним человеком, да? Со своей помощницей, например, а со мной без твоего контроля нельзя.

— Такое было только одинраз... И только на несколько часов, — у меня потеют руки. — Герман, ты не понимаешь...

— Это ты не понимаешь, Фиса, — поправляет ворот моей блузки и усмехается, всматриваясь лицо. Пауза, и он продолжает. — В твоих интересах сейчас, — наклоняется и шепчет на ухо, чтобы Диана не услышала, — не выебываться. Мой адвокат позвонит твоему и назначит встречу, — обнимает меня и говорит на тон выше, — был рад тебя увидеть. Ну, беги. Ты как обычно, вся в делах.

Я молчу, потому что такого поворота я не ожидала. Он решил не только нырнуть в новые отношения, но и на меня надавить угрозами, что меня можно хорошо так укусить за промахи и переиграть условия совместной опеки.

— Папе привет передавай, — Герман ухмыляется.

Еще один намек, что если побегу к папе жаловаться, то он выйдет в открытую борьбу против моей семьи, которая приняла мою сторону.

— Я тоже была рада познакомиться, — Диана смущенно

улыбается рядом с Германом.

Неловко мнется, решая, можно ли ко мне лезть с объятиями, но я торопливо ретируюсь.

Проклятье.

До этой встречи я думала, что власть в моих руках, но Герман показал мне, что это совсем не так.

Теперь я не бывшая и оскорбленная его изменой жена, которую надо молить о прощении и просить о разговоре, а просто бывшая, с которой теперь будет совсем иной разговор.

Меня выпнули с пьедестала той, у кого надо добиваться встреч, бесед и терпеть высокомерное фырканье “оставь меня, мне не о чем с тобой говорить”.

На крыльце кафе пытаюсь отдышаться, унять дрожь в пальцах и сердце, которое вот-вот выскочит на ступеньки.

Спускаюсь, цокаю каблуками по тротуару и останавливаюсь у окна, ведь за столом в глубине главного зала кафе Герман с улыбкой смахивает со лба Дианы локон пшеничных и целует ее, коснувшись двумя пальцами аккуратного острого подбородка.

Сейчас, не два года назад, а сейчас меня пробивает ржавый прут отчаянной ревности и гнева.

Того гнева, который я, казалось, оставила в подростковом возрасте, когда меня крутило дикими эмоциями от гормональных всплесков.

— Мы развелись, — цежу себе под нос и шагаю в сторону парковки. — Развелись. И мне с этим человеком не по пути.

Я не смогу быть с ним. Не смогу, поэтому мы и разошлись. Мне же было противно. Было противно. Не смогу. Не смогла бы...

Прячусь в машине, отбрасываю сумку на соседнее сидение и прижимаю кулаки ко лбу, уговаривая себя, что я не должна сейчас ревновать, сожалеть и злиться.

Не должна.

И я знаю, что если Герман решит, то может испортить мне жизнь, и он дал четко понять, что гордая обиженка начала его раздражать.

Теперь он будет терпеть заскоки Дианы, а я...

Я — бывшая.

Глава 9. Мои правила

Фотограф Алексей нажимает на кнопки фотоаппарата, листая на маленьком экране отснятые снимки со стройными моделями в моих платьях и костюмах.

Обычно я прошу многое переснять, а сейчас мне все равно. Ко мне пришло осознание бессмысленности всей этой красивой возни вокруг тряпок. Ну да, мой бренд и дизайн. Да, ночами не спала над зарисовками, выбором тканей и определения концепции нового модельного ряда.

Да, потратила кучу нервов и времени, но в итоге меня тошнит, и я не в силах сосредоточиться на работе, в которой я раньше находила иллюзорное спасение.

— Есть замечания? — спрашивает Алексей.

Как и все модные, крутые и дерзкие фотографы, он весь в цветных татуировках. Тощий, высокий и с ранними залысинами, но талантливый в плане создания продающей глянцевої картинке.

— Я не знаю, — честно отвечаю я. — Не знаю.

— Давай-ка я все отсниму еще раз, — хмурится, — а потом...

— Хорошо, — киваю я и торопливо отхожу к высокому окну, присосавшись к стаканчику кофе.

Сажусь на низкий подоконник и блекло наблюдаю за тем, как ассистенты Алексея переставляют свет, как поправляют

макияж моделям.

Я должна, как обычно, все строго проконтролировать, но не могу. Я сижу и пью кофе.

У меня после вскрытия того, что Герман погуливает, был подъем сил, а после развода будто каждый день ящиками пила энергетики. Я столько идей реализовала, и обманулась тем, что я сильная и независимая.

Ага.

Как только на горизонте замаячила серьезная рыбка для Германа, который вывел ее из тени для меня и для своей семьи, то меня перемкнуло.

Герман пусть и не был со мной в браке эти два года, но я его все еще считала своим. Да, я его наказывала, держала на расстоянии, огрызалась, отталкивала...

А еще я не позволяла ему оставаться с Афинкой наедине, и у нас в жизни были выходные, в которые он приходил к нам и возился с дочерью под моим зорким контролем.

Он не раз поднимал вопрос того, что стоит доверять ему Афинку хотя бы на ночь, чтобы она привыкала, но я была резко против.

Будь с ней только при мне и без лишних разговоров.

Он был в моей жизни по моим правилам.

Да, не муж официально, без обязательств с моей стороны, но он был. И, видимо, ему надоело.

Надоело и подвернулась милая девчушка, у которой к нему нет обид, претензий, желчи, но есть восторг, какой он

сильный, красивый, богатый и серьезный.

А я что?

Я каждым взглядом, каждым намеком говорю ему о том, что кобелина проклятый, но вместе с этим не отпускаю.

И во встречах с Афинкой с моей материнской позиции было много превосходства. Буду честной, я его, наверное, даже наказывала тем, что вечером после того, как он укладывал нашу малышку спать, уходил.

Периодически он порывался то внезапной страстью, то раздражением, то агрессией продавить ситуацию в своих интересах, но я была скалой, которую ничем не взять.

И он уходил.

И да. Да! Да, черт возьми!

Каждый раз я ему показывала, что он потерял меня, потерял семью, в которой есть мама и папа для детей, и не отступала! Я не отступала, не прогибалась и не поддавалась Герману.

Я всегда была категоричной, однако это не помешало мне в свое время ждать от матери того, что она должна простить моего отца за внебрачную дочь на стороне.

Но ведь у моих папы и мамы все было иначе. Верно? Со всем не так, как у меня.

Во мне нет логики. Только эмоции.

— Мудила!

Замолкаю. Затихают щелчки фотоаппарата. Десятки удивленных и настороженных глаза смотрят на меня, и гада-

ют, кого я тут назвала музидой.

— Это мысли вслух, — встаю и сминаю пустой стаканчик из-под кофе. — Работайте.

Торопливо выхожу из студии. В коридоре с трудом сдерживаю себя от криков и матов.

— Анфиса, — ко мне выглядывает моя испуганная помощница Кариша. — У нас же были планы и вас отснять.

— В жопы все эти планы, — цежу я сквозь зубы и прижимаю пальцы к переносице.

— Что-то случилось?

— Да, — убираю руку с лица и зло щурюсь на Каришу, будто она в чем-то передо мной виновата. — Случился бывший муж.

— Ясно...

— Не бери в голову, — отмахиваюсь и спешно шагаю к выходу, — ты за главную.

Я в дикой панике, потому что понимаю, что Герман теперь вынудит сыграть по его правилам. Мои правила ему не понравились. Он ими наелся, и за все мои перегибы он спросит по полной, а они были. Я же не могу по-другому.

Накрывает страх, что Герман сейчас в детском саду и забирает Афинку вместе с новой любовью.

Мозг рисует яркую картинку, как он усаживает на заднее сидение к Борьке, захлопывает дверцу, вальяжно обходит машину и садится за руль. Целует счастливую Диану, а после они уезжают в неизвестном направлении.

Я должна быть сейчас с Афинкой. Пофиг на все остальное.

Вдруг Герман решит, что именно сейчас самое то познакомить Афинку с “мачехой”.

— Анфиса, — окликает меня Кариша.

— Закончите без меня! Потом собери все шмотки и отвези в офис.

— Но у вас еще встреча...

— Перенеси! Перенеси! — рывкаю я. — Не до блогеров мне сейчас! У меня бывший с цепи сорвался!

Глава 10. Папа и зайчик

— А папа придет?

Афинка сидит на пуфике, а я перед ней на корточках с милым зеленым башмачком в руках.

— Нет, милая... Какой у нас сегодня день?

Меня потряхивает.

— Среда, — неуверенно отвечает Афинка.

— А по каким дням...

— Сегодня хочу, — выпячивает нижнюю губу, раздувает ноздри и сердито повторяет. — Сегодня.

Да что же сегодня за день такой? Вот только говорили про то, какие бывают собачки, а потом Афинку резко переключило на папе.

— Позови сегодня.

— Финочка, — стягиваю второй башмачок с ее левой ноги, — у папы сегодня сложный день... и... у него сегодня очень серьезный разговор с твоим старшим братом.

Молчит. Я поднимаю на нее взгляд в ожидании ревнивых криков, потому что она в последнее время обижается, когда Борька уходит к папе, а ее не берет. Еще несколько месяцев назад не было этих слез, а сейчас есть.

— Позвони папе, — хмурится.

— Давай мы с тобой переоденемся, покушаем...

Я иду на хитрость и хочу за переодевашками и поздним

обедом отвлечь Афинку от папули. Потом мы во что-нибудь в увлекательное сыграем.

— Позвони.

Щечки краснеют, реснички вздрагивают, и я понимаю, что ждет меня громкая и отчаянная истерика.

Не имею я никакого морального права отказывать маленькой девочки, которая хочет услышать голос отца, в звонке.

Могу встать в позу, настоять на том, что папа занят, и прожить истерику, стиснув зубы.

— Я позвоню, — вздыхаю и вытаскиваю телефон, — но папа может быть занят, Фина.

Шумно выдыхает и хмурится сильнее.

Можно схитрить. Я могу сделать вид, что звоню папе, но на самом деле наберу свой рабочий номер, который не ответит. Мы послушаем долгие гудки, я скину звонок и печально улыбнусь:

— Видишь, милая, папа занят.

Афинка, может, даже заплачет и это будет еще один шаг в моих манипуляциях, которыми я могу отвернуть дочь от отца.

— Так, — неуклюже подбираюсь к Афинке ближе, чтобы она видела экран телефона. — Позвоним папе.

Касаюсь в телефонной книге строку “Герман”, и на экране разворачивается его контакт с фотографией, которую я никак не могу сменить.

Это снимок сделала я. Тайком и неожиданно, и вышел

Герман на фотографии отстраненным, загадочным и хищным. Смотрит в сторону, что-то высматривает внимательным прищуром темных глаз.

Короче, я хотела поставить вместо этой фотографии козла, но не смогла. Сначала не нашла подходящего снимка с козликом, который бы был бы похож на бывшего мужа, а потом сделала вид, что забыла.

— Папа, — шепчет Афинка.

— Держи, — аккуратно вкладываю телефон в ее ручки.

— Сама позвонишь папе.

Поднимает удивленный взгляд, а я готова разрыдаться от умиления. Такая сладкая булочка, что так бы и съела.

— Сама? — округляет глаза.

— Нажимай сюда, — указываю острым ногтем на иконку с телефонной трубкой.

Касается пальчиком экрана и замирает.

— А вот теперь нажимаем сюда, — тапаю по иконке громкой связи.

Афинка сосредоточенно смотрит на экран и внимательно вслушивается в гудки.

Я хочу и не хочу, чтобы Герман ответил.

Хочу, потому что его дочь любит его и скучает по нему.

Не хочу, потому что я вижу в нем врага, которого никак не могу вырвать из сердца.

— Фиса?

Вздрагиваю от холодного голоса Германа, и сердце прыга-

ет в диком кульбите до желудка.

Афинка хихикает:

— Нет.

— Доча?

Голос Германа моментально меняется на удивленный, теплый и ласковый. Закрываю глаза. Раньше и со мной так мурлыкали.

— Нет, не доча, — Афинка смеется, хитро жмурится. — Это не я.

— А кто же? — охает Герман.

Закрываю глаза и медленно выдыхаю. Лучше бы не ответил, блин. Сердце на куски режет бархатным голосом, в котором вибрирует нежность к дочери.

— Зайчик, — смущенно попискивает Афинка.

— А зачем мне зайчик решил позвонить?

— У него секретик, — Афина смущается еще больше.

— Какой? — голос Германа становится вязким и, мне кажется, я в нем сейчас тону. — Какой же секретик у зайчика?

— Зайчик любит папу...

Кусаю внутреннюю сторону щеки до боли, не позволяя себе заплакать.

— А папа очень любит зайчика, — шепче Герман. — Очень любит. И скучает.

Афинка подносит телефон к губам и громко чмокает, посылая поцелуи папе. Никто меня не предупреждал, что мое материнство будет таким. Болезненным и полным отчаяни-

ем.

— Ты же мой зайчик, — смеется Герман. — Ты уже из садика, да, вернулась?

— Да, — Афинка кивает.

— Рановато, — задумчиво хмыкает. — Зайчик капризничал?

— Нет! — Афинка округляет глаза и насупленно бубнит.

— Мама забрала, — шмыгает. — А ты не забираешь...

Глава 11. На папу кричишь

— Слушай, если они не хотят переносить встречи... — вздыхаю, — давайте без меня ее организуйте. Кариш, у меня маркетологи совсем, что ли, без меня беспомощные? Мне не обязательно самой общаться с этими модными блогерами. Обсудите концепцию, определите цену, сроки оплаты...

— Но ведь вы...

— Что я?

Афинка увлеченно слизывает с ложки остатки пюре из брокколи и зеленого горошка.

— Ну... все проконтролировать, лично побеседовать... посмотреть в глаза... — неуверенно сипит Карина. — Поэтому требовали, чтобы пришли сами блогеры, а не их представители. Я к тому...

— К чему, Кариш? — теряю терпение, а Афинка шлепает ложкой по пюре и он разлетается в разные стороны.

Часть летит мне на лицо.

Закрываю глаза, а Афинка ойкает.

— К тому, что вы потом не будете кричать и ругаться, что вы должны были быть на встрече? — тараторит на выдохе Карине испуганным голосом. — Вот я уточняю, что вы точно отказываетесь сегодня быть на встрече и что делегируете ее на меня, на маркетологов. Фух... — сглатывает. — Теперь можете уволить.

Вытираю салфеткой пюре со скулы:

— Ты хочешь сказать, что я могу себя так повести? Отказаться от встречи, а потом...

— Да.

Молчание, и Кариша вздыхает.

— Ну, не совсем так.

— А как?

— Зря я начала...

— Продолжай.

— Вам что-нибудь не понравится в результатах встречи, — Кариша понижает голос до печального шепота, — и все придет к тому, что вы должны были быть на встрече и что нам ничего нельзя доверить.

Откладываю салфетку. Ну, бывает, я прибегаю к строгости и критике, чтобы держать в тонусе подчиненных, которые любят иногда повалить дурака, но сейчас Кариша описывает меня какой-то истеричкой.

— Я не такая, — хмурюсь я.

— Может, вы сможете онлайн присутствовать, а? — жалобно тянет Кариша.

— Так, — вздыхаю я. — У тебя есть на руках ключевые моменты нашего сотрудничества. Обсудите их, а потом уже мне выкладывайте, с чем согласились, что предложили, что потребовали. Я вам не нянька.

Последняя фраза вышла очень сердитой и злой, и Афинка напротив бубнит с ложкой во рту:

— Не нянька... а мама...

Сбрасываю звонок и подпираю лицо рукой, глядя на Афинку, которая неуклюже собирает остатки пюре с тарелки:

— Мама у тебя строгая?

— Да, — кивает.

— Сердитая?

— Да.

Блин, обидно, но я продолжаю тихий допрос.

— Часто кричу?

Афинка поднимает взгляд и крепко задумывается над ответом.

— По телефону часто, — вздыхает. — И на папу.

— На папу?

Это когда я успела кричать на папу в присутствии Афинки?

— Да, — опять кивает.

— Я на него не кричу.

— Кричишь! — Афинка имитирует в шепоте знакомую злость. Картавит, не выговаривая букву “p”, глотает слоги. — Вот так кричишь! Уходи! Она спит, свободен! Нет, ты не останешься! Не хочу с тобой говорить! Ты мне надоел!

Шмыгает и вновь облизывает ложку, печально вздохнув.

Это нехорошо.

Очень нехорошо.

Афинка любит папулю, а мамуля этого папулю каждый

раз выгоняет. Для ее маленьких детских мозгов я — плохая. Папа хочет остаться на ночь с ней, а я против.

— Ты не любишь папу.

Не любила, то все было бы иначе, но как это объяснить это трехлетке? Она живет в своем мире, в котором мама “кричит” на папу, а папа хочет остаться с нами.

— Но я точно и преточно, — подаюсь в ее сторону с улыбкой, — люблю тебя.

Затем макаю палец в пюре, которое размазываю по ее курносому носику. Фыркает и смеется.

В три года я еще могу отвлечь ее от сложных вопросов, тревог и растерянности какой-нибудь внезапной шуткой, но что потом?

Почему Герман не решил после развода исчезнуть из наших жизней, как куча других мужиков?

Теперь у меня остается надежда только на Диану, которая в скором времени залетит и родит своих, однако... какая травма ждет моих детей в таком случае?

И я начинаю чувствовать перед ними вину, которой раздувается с каждым днем.

Может, причина, того, что мои дети так отчаянно тянутся к Герману, в том, что я его сама не отпустила и все еще люблю? Болезненно и надрывно?

Они это чувствуют, но не понимают, что происходит, ведь с этой своей идиотской любовью я настроена к Герману недружелюбно.

Надо менять ситуацию.

— Пойдем моську умоем, — обхожу стол и подхватываю Афинку с побряхтыванием на руки.

Тяжелая стала.

— Мамуля, — вздыхает Афинка и гладит меня по шее.
— Мамуся...

Девочкам так важен отец. Да и мальчикам тоже. И не просто отец, а отец в полной семье, в которой не надо разрываться на два дома, на две семьи.

Ставлю Афинку на скамеечку перед раковиной, включаю воду и теплой водой умываю личико. Она кривится и потом все же смеется, когда я фыркаю ежиком в ее макушку.

Я лишила детей полной семьи?

— А сделай, как папа, — смотрит на меня в ожидании.

И это сравнение с папой будет идти всегда, если он волшебным образом не исчезнет из реальности вместе с воспоминаниями о нем.

— Умеешь как папа?

После набирает в ладошки воды, которую заливает в рот. Сосредоточенно хмурится, приподнимает лицо и выпускает фонтанчик, который обращается в слюнявые брызги. Вода стекает по шее на футболку, и Афинка сникает. Ведь как у папы не получилось.

Всхлипывает и через секунду уже ревет, прижавшись ко мне:

— Не умею, как папа... не умею...

— Научишься, — растерянно говорю, — папа обязательно научит.

Господи, почему меня никто не предупредил, что бывшие мужья могут завоевать любовь трехлетки фонтанчиком при водных процедурах? Это так одновременно возмутительно и мило, что я не понимаю, чего хочу. Утопить Германа или попросить, чтобы он и меня научил запускать фонтанчики.

— Сегодня научит?

Глава 12. В твоём стиле

— Он, наверное, скоро женится, — шепчу я, вцепившись в кружку с горячим ромашковым чаем.

Мама у холодильника оглядывается и вскидывает бровь:

— Кто?

— Ты же поняла, мам, — бурчу я и отвожу взгляд.

— Герман?

— Да, блин, — сердито смотрю на маму. — Я сегодня познакомилась с его подружкой. Молодуха.

— Да ты будто старуха.

— Но буду постарше это девочки с косичкой, — Цежу сквозь зубы.

— Ты пей чай, — мама закрывает холодильник и возвращается за стол. — Вот козел.

— Ой, мам, прекрати. Мне не это надо, — отставляю кружку и подпираю лоб ладонью. — А что надо?

Выдыхаю, поднимаю взгляд и кусаю губы.

Мама по моей твердой просьбе не лезла в наши отношения и папу всеми силами старалась сдерживать. Они не водили вокруг меня хороводы с охами и ахами, жалостью, советами и оскорблениями в сторону непутевого зятя.

Я их попросила об этом, потому что я ведь сильная и гордая, и сама могу справиться с делами сердечными.

— Я не знаю, мам, — едва слышно отвечаю я. — Не знаю.

Мама протягивает руку и сжимает мою ладонь. Я не плакала при ней, не скулила, но она все равно знает, что я все еще люблю Германа.

— Я могу задать вопрос?

Киваю. Сейчас мне не молчание нужно.

— У вас так и не случилось разговора? Нормального разговора...

— Мам...

— Нет? — мама немножко хмурится. — А помнишь...

— Мам, — я вытягиваю руку.

Теперь я не откажусь от молчания. Умеет мама все взять и перевернуть.

— А помнишь, как ты требовала, чтобы я вела разговоры с твоим отцом, м? — смотрит на меня прямо.

— Это другое...

— Чего ты боишься, Фиса? — мама тяжело вздыхает. — Герман и нас заколебал с тем, что приходил и требовал того, чтобы ты с ним поговорила. Нам бы его с лестницы спустить, лицо подправить, но ты потребовала, чтобы мы были к нему равными и отстраненными, потому что ты все решила.

— Да! — повышаю в отчаянии голос и замолкаю, испугавшись, что Афинка может проснуться.

— Молодец, — мама мягко улыбается, — но, видимо, решить будет маловато, верно? Так вот, чего ты так боишься в разговоре с Германом?

— Я не хочу с ним разговоров...

— Ути-пути, — мама смеется, и в уголках глаз расцветают морщинки. — Я тебя вырастила, Анфиса, пережила твой подростковый бунт, и могу точно сказать, что ты хочешь, но боишься.

— А что он мне скажет? — фыркаю я. — Назовет бревном в постели?

— Ну, назовет, — мама скрещивает руки на груди. — Что дальше?

— Это обидно...

— Ну, обиделась ты, — мама кивает, — да, очень сильно обиделась, поэтому сама ему в ответ что-то говоришь, верно?

Моя мама — та еще заноза, и сама виновата в том, что позвала ее заглянуть ко мне и попить чайку.

И она права, я боюсь не того, что Герман завалит меня претензиями. Я боюсь того, что меня прорвет перед ним на отчаянные эмоции, в которых я буду слабой.

А я не хочу быть рядом с ним слабой.

Он потерял эту привилегию, когда выбрал другую женщину.

— Мам, ты хочешь сказать, что я должна была его простить? — я иду в атаку, чтобы и перед мамой скрыть себя настоящую. — Да?

— Тон смени, — мама хмыкает. — Ишь ты. Опять подростковую волну ловишь? Я говорю, что тебе не помешал бы серьезный разговор с Германом с разбором полетов. А про-

стить или не простить... Это не я за ним была замужем, чтобы такие советы давать. Твоего отца я поняла и простила, но ваших отношений это никак не касается.

— Да знаю я, — пристыженно отвожу взгляд. — Извини... Я сама не своя.

— Конечно, бывший муж женится, — разочарованно цыкает. — А должен был сидеть на коврике у порога.

Вновь смотрю на маму. Зло и обиженно.

— Я сама женщина, Фиса, — мама смеется, — и понимаю, почему ты бесишься. Ты не отпустила Германа, а чтобы закрыть с ним вопрос, надо довести все до конца.

— Теперь ему не нужны разговоры, — закрываю глаза и вздрагиваю, когда на столе вибрирует телефон.

Смотрю на фотографию Германа на экране смартфона, сдуваю локон и принимаю звонок:

— Слушаю.

— Везу Бориса.

— А что так? Знакомство не задалось? — едко спрашиваю я, а мама напротив приподнимает брови. — Не случилось радуги и единорогов.

— Скоро будем, — игнорирует мое злое и презрительное ехидство и сбрасывает звонок.

— Это было в твоем стиле, — Мама откидывается на спинку стула, — в твоем стиле пятнадцатилетки.

Глава 13. Да пошла ты

Вежливо попросила маму уйти после звонка Германа. Словила себя на мысли, что я повела с мамой грубовато и резко, но я не хотела, чтобы мама присутствовала при возможных разборках с сыном или Германом.

Она вздохнула, но не стала ничего говорить или настаивать на том, чтобы быть рядом и оказать поддержку.

Не нужна мне сейчас поддержка.

Я должна сама понять, в каком направлении сейчас двигаться, и было бы неплохо самой найти точку опоры, что у Германа не было возможности меня расшатать внезапными новостями о свадьбе.

Когда слышу, как щелкают ключи в замочной скважине, я выхожу в прихожую. Дверь распаивается и в квартиру вваливается рассерженный Борька.

Как же он сейчас на отца похож, будто я и не участвовала в его рождении. Чернявый, с горящими глазами и четкими черными бровями.

Ох, не хочу думать, скольким девочкам он уже успел запастись в сердечки.

— Привет, — тихо говорю я.

— У папы новая телка, — Борька бросает в угол рюкзак и зло скидывает с ног кроссовки, которые летят в разные стороны.

Скрещиваю руки на груди.

— Довольна? — волком смотрит на меня и сбрасывает куртку на пол. — Ты знала? Знала о ней, да?

Я молчу.

— Да пошла ты, — скалится на меня.

Шагает мимо, скрывается в коридоре, и я вздрагиваю, когда хлопает дверь. Закрываю глаза и медленно выдыхаю, пытаюсь выровнять сердцебиение.

Поскрипывает дверь.

В прихожую заплывает Герман. Делаю предположение, что сына нас выскочил из машины и побежал впереди планеты всей домой, а папаша его неторопливо последовал за ним.

Мог же просто уехать.

Нет же.

Как он может просто уехать? Раз он тут, то зайдет потешкаться с Афинкой и потрепать мне нервы.

— Что-то Борька не в восторге, — цыкаю я. — Я бы сказала совсем не в восторге.

Проскальзывает мысль, что я хочу пожаловаться Герману на то, что наш сын послал меня и что надо ему провести воспитательную беседу, как отцу, но это лишнее.

— У меня была идея запереть его в комнате до момента, пока он не успокоится, но это было бы как минимум непедagogично, — вздыхает он.

— Наверное, твоя телочка не так представляла знакомство с подростком?

— Телочка? — Герман усмехается. — Анфис, серьезно, что за выражения?

За своей ревностью и злостью я не в силах себя контролировать, но я предпринимаю попытку выкрутиться:

— Я лишь повторяю слова твоего сына.

— Ему надо остыть.

— Ну и, конечно, он остывать будет со мной? Да? — голос мой сочится ехидством. — Как удобно. Раздраконил его...

Герман молча стягивает туфлю с правой стопы, поддев носком пятку. Потом вторую.

— Что ты делаешь?

— Если продолжит истерить, то будет делать это в моем присутствии, — пожимает плечами и деловито скидывает пиджак. — И я ведь ты тоже об этом сейчас своими намеками мне пытаешься донести? Верно? Что нам сейчас надо вдвоем организовать с сыном серьезный разговор.

— А тебя твоя любовь не ждет?

С трудом сдерживаю себя от того, чтобы не пяtitся, когда Герман делает ко мне пару шагов. Привычный для него и изучающий взгляд, и напряженный шепот в лицо:

— Тебя не она должна беспокоить, а наш сын.

— А не она ли причина...

Я замолкаю, когда за спиной раздается сонный и удивленный голосок Афинки:

— Папа? Это ты?

Отступаю в сторону, а Герман с широкой улыбкой садится

на корточках:

— Я, — смеется, — это я. Иди сюда.

— Папа!

У меня в очередной раз сердце трескается от детской и наивной радости Афины, которая бросается к отцу.

Герман поднимается, подхватив ее на руки, и заглядывает в лицо:

— Ты, что, спала?

— Угу, — Афинка трет левый глаз кулачком, — играла и заснула, — зевает, — а теперь кушать хочу.

— Идем, что-нибудь придумаем, — Герман шагает на кухню, а я до боли сжимаю переносицу. — Я сегодня с каким-то зайчиком говорил по телефону...

Можно, конечно, сейчас с криками и требованиями, чтобы он проваливал, кинуться за ним, но тогда я напугаю и сделаю больно Афинке. В первую очередь я ударю по ней.

Наверное, стоит заглянуть к Борьке и просто побыть рядом с ним.

— Никаких зайчиков не знаю, — хихикает Афинка. — Это была не я. Я же не зайчик. Видишь? У меня нет ушек.

— Да ты их спрятала! Я их сейчас найду.

— Нет, — веселый хохот. — Не спрятала!

Глава 14. Злой цыпленок

— Борь, — сажусь на край кровати, на которой Борька лежит лицом к стене.

Злющий, как черт. Зубами скрипит и дергается, когда я протягиваю к нему руку, как от ожога.

— Не трогай меня... — шипит. — И уходи.

Сколько раз я сама в свое время требовала у мамы, чтобы она вышла из моей комнаты?

И, вероятно, сейчас на меня закричат, как делала это я в свое время. И я права.

— Проваливай! — Борька с криком подрывается и резко садится. — Оставь меня! Ты глухая?!

— Тон сменил, — в комнату заходит Герман. Держит дверь за ручку. — Хочешь обижаться, обижайся сколько влезет, Борь, но с матерью не говори в таком тоне. Ты зачем тогда сюда так бежал? Чтобы на мать срываться?

Не буду отрицать, что слова Германа отзываются во мне одновременно тоской и тихой благодарностью за то, что он не позволяет сыну мне грубить.

— Да пошел ты! — Борька выпучивает на него глаза.

— Я повторяю, — Герман взгляда не отводит, — я все прекрасно понимаю, но до поры и до времени. Потом буду решать вопрос с тобой иначе.

— Это как же? — Борька усмехается. — Ты мне, что,

угрожаешь?

— Вариантов масса, дружок, — Герман недобро шурится. — Будешь изводить мать, младшую сестру, то здравствуй, например, частная закрытая школа. Ну, это, конечно, крайний шаг...

— Ты в своем уме? — шепчу я.

Мы вместе с Борькой шокированы словами Германа. Конечно, отчасти я согласна, что неуправляемого подростка можно определить в частную школу для социализации и дисциплины, но мать-наседка возмущена. Как это злого цыпленочка куда-то отдать?

— То есть тебя устраивает то, как он с тобой разговаривает? — Герман переводит на меня взгляд. — Я правильно понял?

— Он просто... ему надо время...

Это капец. Мне сложно. Будь мы одной семьей, то я бы безоговорочно встала на сторону Германа в его строгости. Да, нельзя с мамой говорить в таком тоне, однако...

Однако Борька возмущен тем, что у папули новая дама сердца и своей незрело частью я его поддерживаю даже в ущерб себе.

— Не надо ему время, чтобы понимать элементарные вещи, — Герман не повышает голос и не кричит. Говорит спокойно и твердо. — Ты ему не подружка, чтобы спрашивать, глухая ты или нет.

Ну, ведь прав же. Прав, сволочь, однако сам несколько ча-

сов назад шепнул мне на ухо, чтобы я не выебывалась.

Так, надо отделить Германа-козла от роли отца, который сейчас говорит дельные вещи.

— Извинись перед матерью.

У Борьки ноздри вздрагивают, а красные глаза на мокром месте. Сжимает кулаки и тяжело дышит.

— Боря ругается, да? — в комнату заглядывает Афинка.
— Злой?

Борька смотрит на Афинку, покрывается красными пятнами гнева, и Герман заметно напрягается. Я тоже.

Неужели на малышку сейчас вызверится?

— Да, — сдавленно отвечает Борька и его начинает трясти, — очень злой.

— А мы скоро кушать будем, — Афинка прижимается к Герману и наматывает волос на пальчик, — макароны и сосиски... Идем кушать?

— Придет, — Герман выводит ее из комнаты, — если захочет. Главное, что мы и на него макароны с сосисками готовим.

Закрывает с тихим щелчком дверь. Смотрю на Борьку и понимаю, что мне сейчас не дожидаться извинений, потому что в нем много боли, и в ней он обвиняет меня.

Это я позволила случиться тому, что у отца появилась новая женщина. И даже когда он повзрослеет и многое поймет, шрам от этой обиды, что мама не сохранила семью, останется. Он будет помнить свои слезы, свои крики и попытки нас

склеить обратно.

— Я хочу... — сипло говорит он и сглатывает, — хочу, чтобы все было как раньше...

— Я не смогу.

— Ты не хочешь, — судорожно выдыхает через нос. — Ты сама мне говорила, что люди ошибаются, да?

— Это другое.

— Нет, — на нижних ресничках Борьки вспыхивают слезы. — И, что, теперь ты пойдешь искать себе нового мужика, да? Чтобы было честно?

Глава 15. Смешной, да?

— Я не могу быть с твоим папой, потому что он сделал мне очень больно, — шепчу я.

В который раз я пытаюсь объяснить Борьке, что измена Германа перевернула весь мой мир с ног на голову, а после прошлась катком.

Хотя мои слова противоречат тому, как я прожила весь этот сложный период. Я не плакала, я ушла с головой в работу и была очень собранной. Я не рыдала при Борисе, и теперь мои слова, что мне было больно для него — вранье.

Когда больно, плачут.

Когда больно, ищут поддержки.

Когда больно, лежат в кровати и просят об объятиях.

Для сына я не страдала. Для сына я будто нашла повод, чтобы избавиться от мужа, и жила спокойно дальше, отказываясь от разговора с Германом.

— Может, у тебя уже есть кто-то? — шипит Борис. — И ты меня тоже скоро с ним познакомишь?

Мне приходится мысленно согласиться с Германом, что надо с сыночкой быть построже и держать в его рамках.

— Борь, я понимаю, тебе сейчас очень обидно, но, — я вздыхаю, — не надо меня винить, ясно? Твой отец меня обманывал, и у него была женщина на стороне. И я не смогла после этого...

— Я буду с ними жить, — Борька перебивает меня, не желая слушать мои глупые оправдания.

Он сейчас идет ва-банк. И мне очень близка его жестокая игра, ведь я сама, будучи подростком, была упрямой, бескомпромиссной и эгоистичной.

Я понимаю, каково это, когда хочется, чтобы было только по-моему.

Я с трудом выдерживаю злой взгляд сына. Внутри идет трещина за трещиной.

Меня ведь предупреждали, что я потеряю сына.

И я знаю, что мой сыночек, мой мышонок, если сказал, то обязательно сдержит свое слово.

— У нас совместная опека, — тихо и твердо шепчу я, не показывая свою панику.

— И что? Я имею право выбирать, с кем жить, — недобро щурится.

— Не думай, что вот таким поведением ты можешь чего-то добиться, Боря, — проговариваю медленно и четко. — Быть вместе или нет решают только взрослые.

— А я принимаю решение жить вместе с папой, — Боря копирует мои интонации.

— Только папа твои выкрутасы не будет особо терпеть, да? — усмехаюсь. — Стоять на голове у него не выйдет. Истерить не выйдет. Прогнать его не получится. Это папа, а не милая мамочка.

— Милая мамочка? — Боря приподнимает брови. —

Правда? Милая мамочка? — повышает голос. — Может, мамочка-истеричка?

Я встаю.

— Ты берега путаешь, дружок, — глухо и строго говорю я. — И наглеешь. Может, ты прав, Борь, и мне стоит твое воспитание сейчас отдать в руки твоего отца. Меня ты элементарно не уважаешь. Я с тобой хочу, как со взрослым, а ты топаешь ножками и падаешь на спину. Хочу папу обратно! Хочу папу обратно! — делаю паузу и медленно выдыхаю. — Это тебе не коробка лего, мелкий ты засранец.

Выхожу. Хочу хлопнуть дверью, чтобы показать, как я сильно разозлилась, но не позволяю себе подобной показушности.

Закрываю дверь медленно и с тихим щелчком.

Борька рычит и, похоже, бьет подушку.

Я не смогу его сдержать, и он пойдет в разнос. Ему сейчас нужна мужская рука. Да мне горько и обидно, но вариант, в котором Герман берет под полный контроль сына, логичен, ведь у мамы перед сыном нет никакого авторитета.

А Афинка?

Что будет с Афинкой? Она уже начинает скучать по брату, когда тот уходит к папе. Она уже просится с ним.

Я хочу кричать, бросать вещи и биться головой о стену.

Идеальный развод — это не тогда, когда два человека стараются быть взрослыми и адекватными.

Идеальный развод — это тогда, когда муж-урод сваливает

в неизвестном направлении, бросает детей и спивается где-нибудь на помойке.

— Мама, — ко мне по коридору шагает Афинка с небольшой мисочкой в руках, — смотри.

Подходит и поднимает с улыбкой миску:

— Осьминог из сосиски, — залиvisto смеется, — папа сделал. Много-много осьминожек.

И, правда, маленький забавный осьминожек. У него даже глазки есть из гвоздичек. Прикусываю кончик языка. Афинка такая счастливая сейчас, что мне от ее детского восторга больно, как маме, с которой нет таких улыбок.

Эти улыбки расцветают лишь тогда, когда мама и папа рядом. Не по отдельности, а вместе.

— Смешной, да?

Глава 16. Ты с нами поужинаешь?

— Боря, — Афинка стоит двери, за которой затихарился ее брат. — Боря...

И выходит у нее не “Боря”, а “Бойя”.

— Я тебе хочу показать...

— Уходи. Я злой.

Афинка поджимает губы, раздувает ноздри и смотрит на меня в ожидании того, что я сейчас приструню старшего брата. Крепко держит мисочку с осьминожкой из сосиски.

— Фи, — слабо улыбаюсь, — Боря, правда, сейчас злой. Пусть побудет один.

Афинка ставит миску на пол и говорит в стык между дверью и косяком:

— Я тоже злая.

Замолкает, выжидает несколько секунд и тянет ручку двери вниз.

— Афинка, блин!

— Я злая и ты злой, — бурчит она и подхватывает миску, — все честно.

Вместо умиления, мое сердце стискивает когти холодного отчаяния. Афинка любит Борьку и если он рванет сейчас жить с концами к Герману, то она будет скучать. Нет, тосковать.

Я проигрываю.

— Афинка, уходи!

— Смотри!

— Не хочу!

— Смотри!

— Да блин! Ты меня достала!

— Смотри! А то плакать буду!

Стискиваю зубы и шагаю на кухню, на которой по-хозяйски без стыда и совести возится Герман.

Когда он приходит на выходных к Афинке, то он не только с ней играет, гуляет, но и готовит обеды и ужины. Это все оговорено, подтверждено, но сейчас красный фартук поверх белой рубашки и брюк меня бесит

— Что ты творишь?! — цежу я сквозь зубы и плотно закрываю за собой дверь.

— Ты бы не могла мне пояснить, что ты имеешь в виду? — помешивает деревянной ложкой макароны в высокой кастрюле.

— Ты мне мстишь?

— Анфис, я не буду сейчас с тобой играть в угадайку и пытаться понять, что ты своими договоренностями и намеками пытаешься мне донести, — откладывает ложку и подхватывает кастрюлю за ручки. — Я готовлю ужин в ожидании, когда Боря чуток остынет.

Сливает воду в раковину. Поднимается густой пар.

— Неужели ты просто не можешь взять и исчезнуть из нашей жизни? У тебя уже новая любовь, — в бессилии перед

Германом, который внезапно в нашей жестокой игре под названием развод набрал больше очков, чем я.

— У нас общие дети, Фиса, — отставляет кастрюлю с макаронами и лезет в холодильник за сливочным маслом.

— Роди новых, — медленно выдыхаю я. — Новых с новой женщиной.

Герман оглядывается и вскидывает бровь, и я чувствую себя под его уничижительным взглядом душой.

— Родить новых, а со старыми сделать вид, что их и не было вовсе? — усмехается. — Так, что ли? Слушай, я не исчезну из их жизни, но согласен с тем, что нам с тобой стоит немного изменить формат общения. Поэтому я и поднимаю вопрос, что я уже могу брать Афинку к себе, а не мозолить тебе глаза здесь. Ее с Борькой будет забирать и возвращать мой водитель.

— Ты не понимаешь...

— Конечно, попробуем сначала на ночь оставить, — Герман невозмутимо вскрывает пачку сливочного масла. — На две. И я думаю, что если рядом будет Борька, то адаптация пройдет быстрее.

— И с ними рядом будешь не только ты, — медленно проговариваю, — но и Диана.

— Да, адаптация ждет нас всех, — ножом отделяет четвертую часть масла от брикета и кидает в макароны. Переводит на меня взгляд. — Ты думаешь, что Диана может навредить моим детям?

— Нашим, — я аж поскрипываю зубами, — это наши дети. Не твои, а наши. И, знаешь, для нее они будут чужими.

— Ясное дело, что ей придется налаживать отношения с Борей и Афиной, — голос Германа вновь отдает холодом и раздражением, — я с этим не спору.

— И каждая женщина лучше своих заведет, чем будет возиться с чужими...

— А вот это, Фиса, касается только меня и Дианы, — его глаза недобро темнеют. — Не лезь в мою постель.

— Идем, идем... — до меня доносится голосок Афинки, которая нетерпеливо взвизгивает, — ну, идем! Идем! Я хочу кушать! А без тебя не буду! Не буду! — прорезаются громкие резкие нотки истерики. — Пошли! Боря! Я буду кричать! Мам! Пап!

— Ты с нами поужинаешь? — Герман вновь спокоен и сдержан. — Или, как обычно, спрячешься в своем кабинете за тряпками?

Глава 17. Последний ужин

Сидеть за одним столом с бывшим мужем?

Как это назвать, если не абсурдом?

Это уже не семейный теплый ужин, после которого мы могли посмотреть фильм, подурачиться, а затем пойти спать в одну кровать и под одно одеяло.

Я не могу.

Возможно, мама права, и я совсем не повзрослела, но это не в моих силах взять и переключиться на холодную, разумную и логичную женщину.

Потому что у меня все еще болит.

И болит сильнее, чем два года назад.

Тогда, не смотря на измену Германа и на наш развод, я его не потеряла. Звучит глупо, но это так.

Конечно, взрослые и умные тети не поймут меня, фыркнут в мою сторону, что я долбанная истеричка, но блин!

Да, я такая!

И я понимаю, что так нельзя продолжать, но как мне выключить в себе эту черную ревность и густую тоску по Герману? Как, блин?

Я пыталась забыться в работе. Я столько проектов реализовала за эти два года! Я расширилась! Я открыла парочку магазинов своего маленького бренда!

Я ходила на деловые встречи.

Я искала успокоения в посиделках и разговорах с подружками из студенческого прошлого.

Я ходила на выставки, аукционы и концерты. Заводила новые знакомства.

С мужчинами, правда, вела сдержанно, потому что они мне были не интересны. Совсем. Кто-то раздражал наглостью и тупыми подкатами, кто-то вводил в скуку занудными разговорами, по третьим было сразу видно, что они давно не трахались и ищут легкую добычу.

Короче, в мужиках я не искала забвения. Сейчас я вижу в них только кучу недостатков, ведь сама-то я успела побыть рядом с тем, по кому каждого сужу. Никто пока не дотягивает до того Германа, в которого я ярко и бесповоротно влюбилась сразу на первой встрече.

Боюсь, что больше ни с кем у меня не будет такого фонтана чувств, как с Германом. Никто не даст мне дозы тех взрывных эмоций, чтобы перебить моего бывшего с его прищурами глаз, мимолетными улыбками, пристальными взглядами и низким шепотом, от которого мурашки бегут по всему телу.

И как я завидую сейчас Диане.

Герман - тот мужик, от которого буквально трясутся колени, когда она наклоняется, чтобы что-то шепнуть на ухо. И дыхание перехватывает. И ладони потеют. И руки трясутся.

Кстати, у меня и сейчас руки тоже дрожат, но от желания

перевернуть кастрюлю с макаронами на голову Германа.

— Мамусичка, давай кушать, — Афинка мимоходом прижимается ко мне и шагает к столу, — пойдем.

Герман деловито трет сыр в каждую тарелку.

Может, именно этот ужин со смешными осьминожками из сосисок будет для нашей семьи последним? Может, мне надо его прожить, прочувствовать и попрощаться с Германом и с нашим прошлым?

В его кармане вибрирует телефон. Откладывает кусок сыра, терку, вытирает руки и лезет за смартфоном.

Смотрит в экран, опершись свободной рукой о столешницу.

Диана написала? Спрашивает, когда он вернется? Когда его ждать в сексуальном белье на шелковых простынях?

— Папа, — Афинка забирается на стул. — Папа. Папа. Папа. Кушать. Папа.

Герман торопливо пробегает пальцами по экрану, печатая ответ, а затем прячет телефон обратно в карман:

— Да, зайчик, сейчас будем кушать.

На кухню заходит злющий Борька, с громким и показательным скрипом отодвигает стул и садится за стол.

— Ты решил нас порадовать своим присутствием?

— Мелкая бы разоралась.

Афинка с хитрой улыбкой потягивается.

— Ты, что, брата взяла на шантаж? — Герман ставит перед ней тарелку с макаронами и осьминожками.

— Нет, — качает головой.

— Ты мне врешь.

— Да, — Афинка расплывается в смущенной улыбке. —

Вру, но понарошку.

— Это как? — удивляется Герман. — Разве можно врать понарошку?

Борис рядом медленно моргает, с шумом выдыхает и закатывает глаза, скрестив руки на груди.

Своим бунтом, с которым я спрячусь в мастерской, я ничего не докажу. И еще детям жизнь усложняю. Они улавливают волны моей истеричной и больной любви к Герману, подстраиваются под них, и их тоже начинает штормить.

— Кому еще сока плеснуть? — шагаю к холодильнику. — Может, кто-то молока хочет?

Я потеряла его.

Не будет он десятилетиями ждать моей милости и прощения, как побитый щенок. Я должна это принять и осознать, как бы больно мне ни было.

Глава 18. Сама иди в угол

— А мы потом поиграем? — Афинка сует в рот осьминожку из сосиски.

— С набитым ртом не говорим, — Герман вытирает ее подбородок от капли сливочного масла полотенцем. — Это главное правило за столом.

Он сейчас не показушничает.

Он и с подростком Борькой был таким же. Заботливым, вовлеченным и внимательным. В принципе, у меня и особых претензий не было к нему, когда наши дети были беспомощными младенцами.

По ночам вставал, памперсы менял, колыбельные пел. Как и я, недосыпал, но это не мешало ему найти шлюшку на стороне.

Стоп.

Я не хочу и не буду копаться в этом говне. Тогда два года назад я не стала разбираться ни в его мотивах, ни в претензиях, ни в оправданиях, и сейчас не стану.

Потому что ничего это не изменит.

Особенно сейчас, когда в его кармане опять вибрирует телефон.

Дианочка никак не может успокоиться? Нервничает, что Герман у бывшей жены и детей?

Я бы, наверное, тоже нервничала и постаралась бы фор-

сировать отношения с серьезным “пусей”. Забеременела бы.

— А еще одно правило было, — Борька смотрит на Германа исподлобья, — никаких гаджетов за столом. Или я что-то путаю?

— Нет, не путаешь, — Афинка мотает головой. Высовывает язык и широко открывает рот, показывая папуле, что она все проглотила и имеет право говорить. — Потом поиграем?

— Так, давай по порядку, — Герман достает телефон, выключает его и встает, — да, есть такое правило, никаких гаджетов, — откладывает смартфон к раковине и возвращается за стол. — Виновен.

— Пааа, — тянет Афинка и дергает его за рукав рубашки, — поиграем? В куклы?

Да, Герман играет с дочерью в куклы. И это со стороны выглядит очень мило и забавно, но мне от этих игр тошно, ведь потом, когда папы рядом нет, я “не так играю”, “неправильно”.

— У нас с Борей будет еще серьезный разговор, — Герман ловко наматывает на вилку тонкие спагетти, — У меня, у мамы и Бори.

Афинка хмурится:

— А я?

— А у тебя важное задание, — Герман наклоняется к ней. — Подготовить свою комнату к чаепитию, нарядить кукол. Ты же меня в гости к себе зовешь?

Вот же хитрый лис.

В любой ситуации с Афинкой найдет выход.

— Да, — Афинка кивает и с готовностью улыбается, — ладно, — смотрит на меня, — и маму приглашаю.

Я аж замираю с вилкой во рту.

Не может трехлетка вести такие сложные манипуляции, которыми так ловко увлекает в свою игру маму и папу, чтобы они вместе “пришли в гости”.

Или это уже врожденное и досталось в наследство от папочки.

Ладно, может, и от меня тоже. Мама говорит, что в детстве я крутила отцом, как только могла, и он ни в чем не мог мне отказать.

Вот теперь такая же наивно-лукавая кнопка сидит за столом передо мной.

Я должна придумать отмазку, которая позволить не играть в куклы с Германом и Афинкой.

Я себя смогла уговорить лишь на ужин. На последний ужин.

Я смотрю на Германа. Он же мастер в оправданиях и лжи. Пусть подведет дочь к тому, что им вдвоем будет интереснее чай распивать из игрушечных чашечек.

И, вообще, это неприлично играть с бывшей женой в куклы, когда тебя ждет обратно в свои объятия новая любовь.

— Афина, — я все-таки вытаскиваю вилку изо рта, — милая, папа и так задержался, а у него дела. И сегодня совсем

не его день. Поиграете в субботу. Он придет утром и у вас будет целый день...

Афина бросает вилку на пол и орет. Просто открыла рот и визжит, а после она дергается назад вместе со стулом в желании упасть на спину.

Герман ловит стул за спинку, и Афина с ревом тянется к нему, а Борька флегматично стягивает зубами осьминожку с зубчиков вилки и смотрит на меня.

В его команде теперь и Афина.

— Папа, — воеет Афина и лезет к Германа, — папа... — захлебывается в слезах, — папа...

— Ты сейчас пойдешь в угол, — говорю я и сама пугаюсь своей злой и отчаянной угрозы.

— Нет, не пойду! Не пойду! — рыдает в грудь Германа, который прижимает ее к себе, с легким разочарованием глядя на меня. — Сама иди в угол! Сама!

— Тебе сока плеснуть? — Борька возвращает мне мой же вопрос, намекая, что попытки сыграть обычный ужин провалились. — И тебе какого? Яблочного? Апельсинового?

Глава 19. Помой посуду

Обижаться на трехлетку глупо.

На ее капризы. На ее крики. На ее “хочу и все”. Для трехлеток некупленная игрушка в супермаркете может стать целой трагедией.

Я все понимаю, но в душе иду трещинами.

Прорастаю черные и нехорошие мысли, что я плохая мать, что Афинка меня не любит, что ей и Борьке без меня будет лучше.

— Мама не пойдет в угол, — Герман играючи удерживает орущую Афинку, которая дергает в истерике руками и ногами. — Это мама, Финочка, а мамы в углу не стоят.

Но ты сейчас метафорично поставил меня в угол тем, что ты хороший папа, а я плохая мама.

— Мы будем играть, — Афина начинает затихать и всхлипывает в грудь Германа, — в куклы... Будем играть... В куклы...

— Сыграем, солнышко, — Герман целует ее в макушку, а после утирает слезы пальцами с ее красных щек.

Борька ревниво следит за ним. Вижу, что его так и подмывает сказать Герману гадость, начать ссору и попсиховать, подхватив истерику младшей сестры, но молчит.

То ли оценивает риски после угрозы, что его отправят в закрытую школу, то ли не хочет упасть до уровня трехлетки.

— Ты кушать еще будешь? — спрашивает Герман, и Афинка кивает. — Давай, покормлю.

Встать и “пойти в угол”? Ну, не знаю, пойти погулять, подышать свежим воздухом и успокоится? Или вообще свалить из дома на недельку?

Это сыграет Герману на руку. Сбегу сейчас на эмоциях, и у адвокатов с подачи бывшего мужа будут серьезные вопросы к матери, которая исчезает из жизни детей после обычной малышковой истерики.

Герман накалывает на вилку осьминожку и подносит к губам Афинки, которая с готовностью открывает рот.

Обиженно косится на меня и жует, насупившись.

Похоже, меня больше не хотят приглашать в игру с куклами и игрушечным чайным сервизом.

Я — плохая.

— Я поел, — Борька встает, с громким и противным скрипом по кафелю отодвигая стул.

Делает несколько шагов к выходу, и Герман с невозмутимостью замечает:

— Убери за собой со стола.

Борька оглядывается:

— Потом уберу.

По тону слышу, что забьет он на свою грязную тарелку.

— Сейчас, — Герман вытирает рот Афинки салфеткой и переводит на сына строгий взгляд. — Это не так сложно. Убрать и помыть за собой грязную тарелку.

— Что ты прикопался? Ты тут не живешь.

Афинка раздувает ноздри, готовясь к новой истерике.

— Хорошо, — Герман усмехается. — Теперь ты не только за собой убираешь, но и за всеми нами. И моешь посуду.

— Да, — твердо и зло говорит Афинка, принимая сторону папулечки. Тянется к его тарелке и хватает пальчиками спагеттину. Отправляет ее в рот и хмурится. — Вот так.

Боря переводит на нее взгляд и шипит:

— Мелкая подпевала.

— Борь, — Герман взгляда от сына так и не отводит. — Самое время тормозить.

— Может, ты эту херню должен был сам себе однажды сказать? — Борька сжимает кулаки.

Афинка вслипывает, у нее губы дрожат и слезы на глазах выступают. Сейчас заревет.

— Борь, выдыхай, — говорю я и смотрю на Германа. — С нашей посудой мы уж как-нибудь сами разберемся.

— За сыночку помоешь посуду? — усмехается Герман и вновь поднимает взгляд на Бориса. — Не думай, Борь, маменькиным сынком ты не будешь. Прятаться за мамкину юбку от посуды?

Боря идет красными пятнами гнева. Отец его задел за живое. Видимо, действительно была у нашего сына мысль сейчас спрятаться под юбку, которую я, идиотка такая, приподняла, чтобы сыночку-корзиночку защитить от посуды назло Гермону.

Накрываю лицо ладонью и вздыхаю:

— Да, Борь, тебе все же придется помыть посуду. Не переломишься.

— Вот и помою! — рявкает он в сыновьем бессилии. — Я бы и так помыл! Но вы же еще жрете.

— Едите, — терпеливо поправляет его Герман. — Жрут свиньи, Борь, из корыта.

Боря с рыком выходит из кухни, по пути бьет кулаком в стену, шипит от боли и бурчит под нос, как мы все ему надоели.

— Почему Боря злится на тебя? — Афинка поднимает личико к Герману. — Он такой злой приехал с тобой.

Глава 20. Мама-душнила

— Можно же купить посудомойку, — шипит Борька, кидая тарелки с грохотом в раковину.

— Разобьешь тарелки, — спокойно отзывается Герман, попивая чаек из кружки с надписью “ты — красотка”, — будешь их склеивать, а потом из них же трапезничать.

— Что за слово-то такое? — Борька с оскалом оглядывается. — Трапезничать?!

Я бы уже давно на него сорвалась. Накричала и полотенцем пару раз дала по его тоще заднице, а Герман невозмутим.

— Русское слово... Хотя нет, — Герман качает головой, — у него все же греческое происхождение. И ты сейчас про-сишь посудомойку на день рождения?

А вот и тихая шуточка, от которой глаза Борьки разгораются гневом.

— Да мне от тебя ничего не надо!

— То есть я могу сдать обратно ви-ар шлем в магазин? — Герман вскидывает бровь. — А то мне его, наконец, привезли, а он, оказывается не нужен. Ладно.

Борька замолкает и скрипит зубами, а я в очередной раз удивляюсь тому, как Герман выходит из сложных ситуаций победителем.

На вопрос Афинки, почему брат злой, как чертенок, он ответил, что Борька вообще много злится в последнее время,

и доча с ним серьезно согласилась. Шмыгнула и забыла о вопросе, с аппетитом откусывая голову у осьминожки.

Про Диану промолчал. Видимо, в его планах знакомство с новой пассией должно пройти лично, а не на словах.

— Какой еще шлем? — сдержанно спрашиваю я.

— Шлем виртуальной реальности, — спокойно отвечает Герман и смотрит на меня, придерживая кружку “ты — красотка” у подбородка, — кстати, сына, ты не думаешь, что можно и маме сказать о своих хочущках?

— Каких хочущках? — напрягаюсь.

— Я обсуждал с папой отдельную игровую комнату, — бурчит Борька и включает воду. Намыливает губку.

— Когда обсуждал? Сегодня?

— Нет. Несколько дней назад, — мрачно отвечает.

— Он мне скинул фотографии игровых комнат, — Герман делает глоток чая, — с сообщением “смотри как круто”. Ну, это же явно был намек. И да, я оказался прав.

Через минуту Герман показывает фотографии игровых комнат, которыми с ним поделился Борька. Мечта любого мальчика-подростка: большой телевизор, несколько игровых приставок, всякие разные джойстики на отдельном стеллаже, кресла-мешки.

— И ты все это решил ему организовать? — поднимаю взгляд на Германа. — Я правильно поняла?

С такой комнатой Борька точно съедет от матери, которая не понимает смысла видеоигр и резко против того, что-

бы тратить часы жизни перед компьютером или телевизором с приставкой.

— Я еще думаю, — отвечает Герман, — пока вижу, что...

— Ты его решил подкупить игрушками? — цежу я сквозь зубы и подаюсь в его сторону. — Вот как ты поступишь, да? Очень хитро.

— Что бы я сейчас ни сделал, ты все перевернешь так, что я пытаюсь тебя обыграть, — Герман откладывает телефон.

Краем глаза вижу, что ему пришло сообщение. С трудом сдерживаю себя. Очень хочется схватить его смартфон, посмотреть, кто ему и что пишет, но это не мое дело.

— Ты поэтому к отцу решил переехать? — смотрю в спину Борьки. — Из-за игровой комнаты? Из-за ви-ар шлема? Из-за игрушек?

— Нет, — зло выдыхает Борька.

— Будь честным.

Напряженное молчание, а затем Боря разворачивается в мою сторону, крепко стискивая тарелку, и говорит:

— С тобой душно, — и его аж трясет. — Честно? Вот тебе, мам, честно. Ты душнишь. Много душнишь. С тобой поговорить не о чем. А еще ты лезешь ко мне, когда мне этого не надо. И мне... тяжело. Ясно? Тяжело! — повышает голос. — И я... не знаю... всегда виноват! Виноват за то, что мне скучно с тобой, и я тоже начинаю вести себя, как debil, чтобы не обижать тебя! Но потом все равно обижаю! И так не было! Не было раньше!

Переводит взгляд на Германа и повторяет в громком отчаянии:

— Не было!

Сглатываю колючий ком обиды и слез, и говорю:

— У тебя переходный возраст, Борь. Ты подросток... Гормоны...

Смотрит на меня, как на дуру, и медленно

— Так только с тобой, мам.

Понимаю, что я очень устала. Делаю глубокий вдох и выдох, подпираю лоб кулаком и блекло отзываюсь:

— Я не буду сопротивляться твоему решению жить с отцом, — закрываю глаза и хмыкаю. — Дианочка будет очень рада.

Глава 21. Я тут сам справлюсь

Моей маме от меня тоже доставалось. Она была для меня навязчивой, скучной, надоедливой и бесячей до трясучки и криков.

Теперь я получаю то же самое от своего сына. И мне остается согласиться с ним, что между нами, как между мамой и ребенком, очень много неловкости и недопонимания. Он мальчик. Он вырастет, переживает гормональные перепады и становится юношей, а я все же женщина.

Ему сейчас нужен отец, который сам проживал все эти всплески агрессии, скуки, грусти и упрямства.

Больно, но, как мать, я сейчас не должна обижаться на то, что меня обвинили в душноте и чрезмерной навязчивости.

Сама же просила быть честной.

Материнство — это сложно.

Колики, бессонные ночи, покусанные соски, сопли — фигня по сравнению с тем, что происходит сейчас. Мой сын на сломе личности.

— Тебе, может, помочь? — заглядываю в комнату к Борису, который швыряет вещи на кровать.

Ух, какой злюка.

Я знаю, чего он ждет. Он ждет того, что я сейчас сяду, поговорю с Германом и попрошу его остаться, а то сыночке нашему очень плохо. Наивное желание, но сильное, и за ним

последует разочарование.

Я не попрошу Германа остаться.

Это глупо. Если я не позволила ему за эти два года поговорить со мной, упрямо держала оборону, то и сейчас не буду мягкой и разговорчивой.

— Рада, что избавилась от меня? — Борька разворачивается ко мне, сжимая в пальцах джинсы до побелевших костяшек. — Поздравляю!

Сколько в нем страха. Он хочет все вернуть, как было, но вместо этого для него все становится хуже.

— Захочешь, возвращайся, — приваливаюсь плечом к косяку двери. — Это твой дом. Бещ игровой комнаты, но все равно дом. Я тебя всегда буду ждать.

Я сама на грани.

Я могу разреветься в любой момент от боли и от осознания того, что мой сын бросает меня. Уходит.

Был маленьким, розовощеким с крохотными ножками и ручками, а теперь собирает вещи, чтобы уйти от меня.

Но это эгоистичные слезы. Он будет жить у отца. У родного отца, который никогда его не обижал. Герман умеет заботиться, вести разговоры и строго следить за распорядком дня сына, которому надо отдохнуть от мамы.

Надо отдохнуть. Он не зря заговорил о чувстве вины передо мной. Это нехороший звоночек. Одно дело, когда тебе стыдно за то, что, например, разбил вазу, а другое — вина за то, что ты не можешь правильно взаимодействовать с ма-

терью.

Эта неловкость и вина будет расти.

— Буду ждать, — повторяю я. — Ключи у тебя свои есть. Никто не лишает меня родительских прав, и я все еще твоя мама. Душная, да, но мама.

В глазах Борьки вспыхивают слезы.

Я знаю, что он меня любит, и это любовь очень сложная и резкая на поворотах. Он — подросток, и характер у него никогда не был сахарным. Он такие веселые ночки нам с Германом устраивал, что мы оба худели.

— И я тебя люблю, Боря, — говорю спокойно, а в груди сердце и легкие перемололи в фарш. — И буду любить. Увы. Ты влип, Борька.

Раздувает ноздри, поджимает губы. Он тоже сейчас может взорваться злыми и отчаянными слезами.

— Ничего, — пожимаю плечами. — Поживешь с отцом и, я так понимаю, с Дианой. Все это знакомство было же не просто так, да?

— Как начну называть ее мамой...

Тут я уже смеюсь.

— Пожалей ты эту ромашку, — хмыкаю.

— А если я с ней подружусь, а?

— Дружи, — серьезно отвечаю я. — И она по возрасту к тебе ближе, чем я. Может, будете ты, папа и Диана вместе рубиться в игры.

Картинка того, как моему сыну весело с отцом и “маче-

хой”, в голове вырисовывается слишком четкая. По сердцу пробегают острые коготки ревности.

В комнату заходит Афинка. Держит в ручках игрушечную чашечку и блюдце. Смотрит на меня с детским вызовом. Ставит блюдце и чашечку у моих ног и деловито уходит, встряхнув волосами.

Недоуменно переглядываюсь с Борей, который вздыхает и кидает джинсы на кровать:

— Тебя пригласили на чай, если ты не поняла.

— Да, не поняла.

— Вот я тебе расшифровал, — вновь шагает к шкафу, — иди. Я тут сам справлюсь.

— Самостоятельный, — улыбаюсь я. — А ведь еще недавно я тебе подгузники меняла.

Борька медленно разворачивается ко мне. Моргает и молчанием намекает, что я переборщила. И я согласна.

— Ладно, — наклоняюсь и подхватываю пластиковые блюдце и чашечку. — Сказала лишка. Признаю.

Глава 22. Чайная церемония

Захожу в детскую Афинки.

Посреди комнаты низкий круглый столик. За ним на стульчиках рассажены куклы. По правую сторону от них на полу по-турецки сидит Герман с игрушечными чашечкой и блюдцем в руках. Напротив него — деловая выражающая Афинка, которая, оттопырив мизинчик, подносит чашку к губам.

Где она научилась оттопыренному мизинцу? Я такому точно не учила. Смотрю на Германа и вздыхаю.

Он тоже оттопырил мизинец. Ну, теперь все ясно.

Прохожу к столу и опускаюсь на белый ковер с толстым, густым и мягким ворсом.

— Папа, налей маме чай, — с наигранной строгостью и высокомерием говорит Афина.

— Да, миледи, — ласково отвечает Герман.

Отставляет свою чашечку на блюдце и подхватывает игрушечный чайник. Смотрю на Германа и медленно моргаю, намекая свои усталым выражением лица, что я сдаюсь.

По крайней мере, на сегодня я принимаю поражение.

— У нас тут жасминовый чай, — невозмутимо вещает Герман и подносит пустой чайник к моей чашечке. — Волосами единорога.

Несколько секунд недоуменного молчания, и я спраши-

ваю:

— Что?

— С волосами единорога, — Герман наклоняет чайник и поднимает взгляд, от которого у меня сердце ухает куда-то в кишки. — Мне сказали, что волосы единорога сладкие.

— Да, — серьезно кивает Афинка. — Они вместо сахара. Мой зрительный контакт с черными глазами Германа слишком затягивается. Руки слабеют.

Я выдыхаю, сглатываю и моргаю, чтобы затем перевести взгляд на Афинку, которая причмокивает в игрушечную чашечку:

— Вкусный чай.

Моя маленькая крошка.

Игры в кукол с отцом не должны быть для нее событием или праздником, как сейчас. Сладкая моя булочка.

Сердце пронизывает острая нить сожаления, что у нас в семье случилось вот так.

— Продегуйстируйте, мадам, чай с единорожьими волосами, — Герман отставляет чайник. — Заварен по особу рецепту, — подмигивает Афинке, которая смущенно хихикает в чашечку и довольно щурится.

А после кокетливо протягивает чашечку:

— Еще.

— Конечно, миледи.

Если я позволю себе поплакать, то я буду реветь и реветь. Например, это игра в чаепитие просто рвет сердце на части

болью, обидой и сомнениями, что я хорошая мама.

Я ведь не позволила Герману остаться рядом. Как женщина я имею полное право отказаться от предателя, не идти с ним на контакт, но как мать?

Герман “подливает” чай Афинке, которая в ожидании смотрит на меня.

Я подхватываю чашечку. Подношу к губам, и Афинка неодобрительно качает головой. Я что-то делаю не так.

— Мизинец, — шепчет Герман, подавшись в мою сторону. — Дело в мизинце.

Я замираю. Его шепот обжигает шею. Медленно поворачиваю к нему лицо, и он, совершенно не смутившись того, что он слишком близко, тихо говорит:

— Вот так.

Оттопыривает мизинец.

Ненавижу его. Ненавижу. И эта ненависть родилась из любви, и ночью обратится в густую тоску.

— Поняла, — отвечаю и оттопыриваю мизинец. — Какие у вас тут строгие правила.

— Как же быть на чайной церемонии без правил?

Отвожу взгляд и делаю “глоток” жасминового чая с волосами единорога:

— Мммм, — тяну я. — Какой изысканный вкус.

Я не хочу быть разведенкой.

Я бы не отказалась от роли вдовы. У вдов есть преимущество. Их не сжирает ревность и обида.

— У единорогов определенно есть малиновый привкус,
— хмыкает Герман, глотнув воображаемого чая.

Афинка опять смеется.

— Ты же со мной согласна? — шутиливо спрашивает меня Герман. — Есть что-то малиновое.

Ждут ли Афинку чайные церемонии с его новой любовью? Может, моя дочь однажды скажет мне, что со мной совсем неинтересно играть, а вот с Дианой — очень. Она смешная, живая и знает, какие единороги на вкус.

— Может быть, — неопределенно отвечаю и оставляю чашечку.

Игры играми, но они лишь оттягивают момент истины.

— Борька сегодня едет с папой, — смотрю на Афинку, и к горлу подступает ком. Я сейчас в очередной раз напугаю Афинку и сделаю ей очень больно. — Он съезжает... Борька теперь будет жить с папой.

Предлагаю отвлечься от сволочного Германа и приглашаю заглянуть в мою новинку к Грозовым “После развода. Новая семья предателя” <https://litnet.com/ru/reader/posle-razvoda-novaya-semya-predatelya-b477994?c=5646531>

Аннотация:

— У нас два варианта, — Роман смотрит на меня прямо и мрачно. Скулы заострились. — Лер, давай все обсудим, как

взрослые люди. Без истерик.

Я крепко сжимаю в руках вазу с ромашками и молчу. Одно лишнее движение, и я упаду в обморок. Тошнит.

У моего мужа есть любовница. И она залетела.

— Я облажался. Да, — по его лицу пробегает тень ярости.
— Я не спорю, Лер, но аборт уже делать поздно. И ты ведь знаешь, что я считаю, что у ребенка должен быть отец. Поэтому...

— Заткнись, — выдыхаю я судорожный шепот. — И проваливай.

— Я тебя понял, — едва заметно прищуривается и усмехается, — значит, у нас все же один вариант. Развод.

Пятнадцать лет брака, две дочери, которым тринадцать и одиннадцать лет, и беременная любовница мужа. Я не стала ничего слушать, и он ушел.

<https://litnet.com/ru/reader/posle-razvoda-novaya-semya-predatelya-b477994?c=5646531>

Глава 23. Папа не соревнуется

С замершим сердцем жду визгов на спине перевернутый столик, но Афинка подносит игрушечную чашечку к губам и деловито говорит:

— Я знаю, что Боря сегодня к папе, — причмокивает и сглатывает, будто действительно пьет, — папа сказал.

Настороженно кошусь на Германа.

Да как же так, блин?

Папе не светит никаких истерик, да? Он у нас особенный.

— Что еще папа сказал?

— Папа сказал, — Герман разворачивается ко мне, — во-первых, что у нас с Борей важное задание. Подготовить отдельную спальню для маленькой принцессы.

Это я сейчас переверну стол. Хитрый мудак. И как ему удастся? Как, блин?!

Он вечно на шаг впереди меня.

— Ведь маленькая принцесса уже подросла, — с улыбкой говорит Герман, — и готова к папе в гости заглянуть. Если понравится в гостях, то может и остаться, поэтому Боря и папа постараются сделать красивую спальню для принцессы.

У меня глаз дергается. Афинка важно кивает.

— Во-вторых, папа сказал, — Герман отставляет чашечку на столик, — что Боря сейчас много чудит и пытается напугать маму тем, что бросает ее.

Афинка опять кивает.

— И нам надо сейчас переждать, — Герман не отводить взгляда. — Иногда мальчикам надо перебеситься.

— Да, надо, — соглашается Афинка. — Боря очень вредный.

— Вот что сказал папа, — я улавливаю в голосе Германа легкое пренебрежение ко мне. — Ничего криминального. Я побеседовал со своей дочерью, как со взрослой девочкой.

— Я взрослая, — Афинка расплывается в улыбке, а затем ползет к Герману и забирается к нему в объятия. — У меня даже дочки есть.

Указывает на кукол:

— Вот.

— Рановато я дедушкой стал, — с наигранной печалью вздыхает Герман. — Планировал чуть попозже.

— Они со мной поедут к тебе в гости, — Афинка поднимает лицо, — можно?

— Можно.

— А... — Афинка открывает рот, — а возьми их сегодня. Моргает и трет щеку.

— Хорошо.

— Ты их деда, — Афинка улыбается и строго смотрит на кукол, — сегодня вы поедите к деде. Вот.

— Надо им собрать тогда с собой рюкзачок, — Герман целует Афинку в макушку. — Или так без всего поедут?

— Нет! — возмущенно охает Афинка и решительно спол-

зает с колен Германа. — Сейчас соберу.

Насупленная шагает к низкому стеллажу с ящиками, в которых хранятся все ее игрушки, и перевозжу взгляд на Германа.

Он, конечно, молодец, что ловко и хитро избежал истерики Афинки, но мне почему-то хочется его ударить.

— В который раз ты уделываешь меня, — едва слышно говоря я, подавшись в его сторону.

— Это не соревнование, Анфиса, — тихо отвечает он.

— Ты, что, пытаешься меня сейчас пристыдить?

— Нет, я просто говорю, что я не соревнуюсь с тобой, ясно?

— А я думаю, что ты как раз это и делаешь.

— Тебе кажется, Фиса, — у германа в раздражении дергается верхняя губа, — выдыхай. Я не перетягиваю на свою сторону детей в желании их потом у тебя отнять. Ты же так думаешь, да? Я угадал?

Схватит игрушечный чайник и треснуть его?

— Нет, — его лицо оказывается в нескольких сантиметрах от моего. Глаза темнеют, — я не отнимаю их у тебя. Я просто хочу быть им отцом, и я буду, а если ты начнешь этому препятствовать...

— А я препятствую? — судорожно выдыхаю я. — А? Препятствую? Я хоть слово плохое против тебя вложила им в головы? А? Как ты смеешь говорить такое, Гера?

Я резко и испуганно замолкаю.

Заметил он или нет?

Я его не называла Герой с того самого дня, когда застучала с другой женщиной. “Гера” для меня — теплое и уютное сокращение, которое первый раз слетело с моего языка, когда я узнала, что забеременела Борькой.

Сейчас он для меня не Гера, а Герман.

Но, похоже, я зря запаниковала, потому что мой бывший муж ничего не заметил в моей агрессивной реплике и не услышал “Геру”.

Либо услышал и не придал этому такое значение, которое я увидела в своей несдержанности.

— Ты права, не препятствуешь, — Герман медленно кивает. — Но да, я обеспокоен. Ситуация немного изменилась, верно?

Афинка вытаскивает ящик за ящиком. Сосредоточенно копается в них.

— Верно, — неожиданно для самой себя отвечаю честно и без резкости. — В жизни наших детей появится новая женщина, Герман. Да, я тоже обеспокоена.

Афинка выуживает из ящичков игрушечные фрукты и овощи. Аккуратно раскладывает их в сторонке и опять лезет в ящик, сдвывая локон со лба. Я узнаю себя. Я так же сдвую волосы с лица, когда они лезут в глаза.

В кармане Германа опять вибрирует телефон, и я вздыхаю:

— Да ответь ты уже, — встаю и шагаю к Афинке. — Пла-

тѣ твоих дочурок вот в том ящике, — сажусь рядом. — И кажется, — я подмигиваю, — там появилось парочка новых.

Глава 24. Я сама ему позвоню

— Заснула, — на кухню на цыпочках прокрадывается моя младшая сестра Анютка.

Сестра, из-за которой мои мама и папа чуть не разошлись. Она сестра только со стороны отца, который изменил моей маме с сомнительной женщиной, и на свет появилась Анечка.

И ее пятилетнюю всучили моей маме в руки. Голодную, избитую и зашуганную девочку.

Моя мамочка, святой человек, приняла ее, как родную, полюбила и осталась с отцом.

Сейчас Ане уже девятнадцать. Красивая девушка с великими планами стать детским иллюстратором. Она уже несколько книжек для Афинки нарисовала. Одна книга — с ежиком-принцем, а вторая — с лисичкой-разбойницей.

Смотрю на Аню, которая наливает мне чай, и тяжело вздыхаю. Я ее очень люблю, и если бы не стойкость и доброта мамы, то Аня не стала бы для меня настолько родным человеком, который примчится на ночь глядя с шоколадными печеньками.

Моя мама простила отца, и наша семья выстояла, окрепла и даже сплотилась.

А я... Я бы на месте мамы все разрушила.

Тогда требовала у мамы поговорить с отцом, выслушать

его, остаться с ним, а сейчас я поступаю иначе.

Но и папа вел себя по-другому.

Ведь так?

Хотя я могу судить только с позиции дочери, но я не знаю, какие разговоры и что творилось между отцом и матерью в те сутки, когда все вскрылось.

— Сама испекла, — Аня придвигает тарелку с шоколадными печеньками ко мне, — правда, вкусные, — улыбается. — Первые три партии я сожгла, а четвертая вкусная. Правда-правда.

Моя мама приняла внебрачную дочь отца. Стала для нее матерью. Не на словах. И ни разу за все эти годы она не обмолвилась о том, что Анечка ей неродная.

— Мама немного побурчала, — Аня подтирает лицо рукой, — дыма было столько, ужас... А папа съел горелые печеньки и даже не понял.

Смеюсь, а затем резко замолкаю и прижимаю ладонь к глазам, потому что могу разрыдаться.

Я уже не девочка.

Я сама мама, но ничего не понимаю в это дурацкой жизни. Сын от меня сбежал, а с бывшим мужем так и не могу спокойно поговорить о том, что он сделал мне больно.

— Давай возьмем Афинку и поедем к нам, — шепчет Аня. — Послушаешь нытье Андрея, как он устал, что ему много задают.

Андрей — наш младший брат. Почти ровесник Борьки.

Разница — семь месяцев. Да, моя мама отцу еще одного ребенка после всей некрасивой истории с его изменами родила.

— Он всех достал, — Аня цыкает. — Пусть на тебя переключится. Поехали, а?

— Не могу.

— Почему?

— Потому что, — убираю руку с лица, — не могу. Это никак не решит того, что я оказалась в глубокой жопе, Анют.

— Поможет, — хмурится.

— Ой да перестань, — отмахиваюсь. — Мама и папа с разговорами, конечно, не полезут, потому что им хватило прошлого раза, когда я накричала, чтобы они не лезли.

— Кричала ты громко, да.

— Я знаю, — отворачиваюсь и скрещиваю руки на груди. — Спрашивать не будут, но в глазах я буду видеть их беспокойство, тревогу...

— Но они правда волнуются, Фис, — шепчет Аня. — Мы все волнуемся и не знаем, как помочь.

— А никак не надо мне помогать, — сглатываю ком слез, — не надо. Я сама должна все решить. Сама. Я взрослая девочка.

Поджимаю губы, потому что они начинают дрожать.

— Ну, хочешь, я останусь? — тихо предлагает Аня. — Буду вместо Борьки.

— Что? — недоуменно спрашиваю я и перевожу взгляд на сестру.

— Я тоже умею психовать, — кивает она, — разбрасывать вещи, оставлять грязные тарелки по всем углам и меня тоже надо возить в универ, как в школу. и меня тоже тяжело разбудить и, как Борька, я тоже не люблю манную кашу. Как тебе? А еще, — он охает, — тоже промахиваюсь мимо корзины белья, не закрываю зубную пасту и когда чищу зубы, заплевываю зеркало.

Мило улыбается и аккуратно складывает ручки на столе, ожидая моего ответа. Я молчу, а после короткого смешка я в голос хохочу.

— А что? — Аня фыркает. — А еще умею обувь разбрасывать в разные стороны.

— Да! Он так делает! — сквозь смех говорю я. — Один ботинок сюда полетел, другой — туда!

— Это что-то наше, — Аня улыбается, — не от Германа.

— Наше, — вздыхаю, — он на меня похож.

— И в жопу Германа, — вдруг зло заявляет Аня. — Есть другой план. Вызываем маму, оставляем ее с Афинкой, а сами тусить. Не знаю, где и как. Я же не тусовщица, но надо потусить, — выжидает несколько секунд и печально спрашивает, — опять нет?

— Не хочу, Анют.

— А чего хочешь?

Германа хочу. Хочу, чтобы он сейчас сидел передо мной и держал меня за руку, а я все эти два года убегала от него, когда он пытался коснуться меня, серьезно поговорить и все

обсудить.

Чего я боялась?

Да и так понятно чего. Услышать от любимого человека то, что я не идеальная и что в чем-то у него были серьезные недовольства, которые я упрямо игнорировала. Не хочу я знать, где я лажала по мнению Германа.

Ведь тогда и я взорвусь претензиями. И будет больно, как в агонии перед смертью. Сейчас боль хроническая, и я еще верю, что смогу ее задавить. У меня ведь до Дианы почти получилось.

— Мы можем потусить и тут, — Аня пожимает плечами. — На кухне. Какие тусовщицы, такие и вечеринки, да? Я там у тебя в холодильнике видела бутылку шампанского, — хитро щурится, — давай напьемся, а потом напишем твоему бывшему, какой он козлина. Или даже позвоним! — вскидывает руку в мою сторону и грозит пальцем. — Да, позвоним! И начнем допрос, как там устроился Борька. Потребуем от отца-молодца четкий отчет. Нефиг расслабляться! И, вообще, — резко встает, — я сама ему сейчас возьму и позвоню, мудила!

— Аня...

— Вы мне надоели! — сердито отзывается она и кидается прочь из кухни. — Мама и папа тебя послушали, а я не буду!

История родителей Анфисы и Ани живет тут <https://litnet.com/ru/book/razvod-u-tebya-est-doch-b464194>

"Развод. У тебя есть дочь"

Глава 25. Скажи!

— Назло маме решил переехать ко мне?

Папа бегло смотрит в зеркало заднего вида.

Бесит.

Не хочу ехать с ним, но и с мамой остаться сейчас стремно.

С каждым из них стремно, и с каждым новым днем становится все хуже и хуже.

Может, свалить к бабушке и дедушке?

Или уже сразу согласиться на закрытый интернат, которым меня решили напугать?

Вместе мама и папа уже не будут, и я ничего не могу поделать.

Все же на маму я злюсь больше. Папа бегал за ней, просил и требовал разговоров, а она либо кричала, чтобы он проваливал, либо уходила и запиралась от папы. Надевала наушники и включала музыку на большую громкость, чтобы не слышать, что ей говорит “проклятый кобелина”.

И она называет себя взрослой.

— Что ты молчишь?

— Хочу и молчу.

Папа вздыхает и сжимает руль крепче.

Он же должен был знать, что мама — долбанная истеричка, и понять, что шлюха на стороне выбесит ее.

— Борь, если ты решил жить со мной, то это не значит того, что я буду дуть тебе в попу, — папа сосредоточенно смотрит на дорогу, — и плясать под твои капризы.

— Да никто вообще не пляшет под мои капризы, — закатываю глаза. — Ты и мама можете только друг друга обвинять в том, что вы подкупаете меня и балуете. И шлем с игровой комнатой светят мне по часу в день после уроков и уборки в своей спальне.

— Верно.

— Ну офигеть ты меня балуешь.

— Зато перед друзьями похващаешься, что у тебя есть игровая комната, — папа смеется.

— Ее еще нет, — смотрю в окно и перескакиваю взглядом с фонаря на фонарь.

— Будет.

— При определенных условиях, — цыкаю. — Что-то не понравится, то не будет этой комнаты, ага. Говори шепотом, смотри в пол и с моей новой телкой будь тихим. Стремная она, — сверлю висок папы злым взглядом. — И тупая.

Сейчас взбесится.

Должен.

Пусть остановит машину, развернется и вернет меня к маме. Я ему сейчас не нужен. Зачем я ему, если у него новая шмара, с которой они родят новых детей?

Пусть сейчас скажет мне, что ему очень жаль и что в его жизни для меня нет места, потому что я громкий, грубый,

наглый и не слежу за языком.

Пусть откажется от меня, потому что я устал туда-сюда мотаться с рюкзаком и делать вид, что меня не напрягает жить на два дома.

И теперь дома у папы поселиться какая-то левая гадина с косой до жопы и будет играть роль второй мамочки.

Мне одной мамочки хватает за глаза!

Придурочной мамочки, которая ревет ночами, выходит к завтракам с опухшими глазами, а после с папой ведет разговоры сквозь зубы.

Не понимаю ее.

Папу понимаю. Он устал, потому что сейчас с мамой все устают так, что хочется треснуть ее чем-то тяжелым, чтобы прекратила быть душой.

Даже дедушке с бабушкой с ней тяжело. Даже у них не выходит поговорить с ней, потому что она сразу требует их уйти, не лезть в ее жизнь и, вообще, хватит ее воспитывать. она взрослая девочка.

— Ты шмару себе какую-то нашел, — говорю я, не дождавшись реакции от папы.

Я доведу его.

А чо мне терять?

— Ну и как? — спрашивает папа. — Тебе полегчало? — едва заметно щурится на дорогу. — Полегчало от того, что ты оскорбил девушку за ее спиной?

— Могу ее и в лицо шмарой назвать.

— Можешь, конечно, — папа кивает. — И тогда полегчает, да?

Вот же гондон. Каждый раз в разговорах с ним я чувствую себя тупым.

Может, поэтому мама и отказывается с ним чесать языки, потому что просекла фишку, что папа в любом случае окажется умнее, чем она?

— Борь, ты мне ответишь? Тебе станет легче?

— Да чо ты ко мне прикопался?!

— А ну, не ори, когда я за рулем! — гаркает, и меня пробивает испугом от его зычного и раздраженного голоса. — Конечно, твою фантазию подростка-бунтаря очень порадует авария со смертельным исходом, но...

— Да, — шиплю под нос, — лучше сдохнуть, чем с такими тупыми родаками...

— Господи, — папа тоже шипит, — дожил же до того возраста, когда меня называют тупым родаком.

— Хочешь сказать, что не тупой?

Папа выдыхает, медленно моргает и говорит:

— Может, сейчас полегчало?

— Что ты прикопался?

— Потому что я твой тупой отец. Вот и прикопался. До левого мелкого говнюка я бы не докапывался, — папа поглаживает щеку. — А тут приходится прибегать к педагогическим уловкам, а после вечерами усиленно читать книги, как быть строгим, но хорошим батей.

— Да в жопу твои книги.

— Я же современный отец и не прибегу к ремню, — усме-
хается, медленно проворачивает руль, — но так хочется, но
тогда я покажу свое бессилие.

Машина заворачивает к подъездной дороге, что ведет в
паркинг жилого комплекса

— И к чему эта хрень? — едко недоумеваю я.

— В одной из этих книжек было сказано, Борь, что надо
делиться с детками-конфетками своими мыслями, когда на-
крывает, — машина притормаживает, ворота паркинга под-
нимаются. — Сработало, нет? — вновь смотрит в зеркало
заднего вида. — Вроде подуспокоился, смотри-ка.

В гнетущем молчании паркует машину в третьем ряду,
глушит мотор и отстегивает ремень безопасности, а затем
покидает салон, а я сижу и не дергаюсь.

— Борь, выползай, — он открывает багажник и вытаски-
вает чемодан.

Я хочу, чтобы мама и папа были вместе. Чтобы мы все
жили в одном доме и чтобы вместе ужинали как сегодня. Что
мне для этого сделать?

— Выходи, — открывает боковую дверь. — Ты когда был
мелким, тебя можно было взять на руки и потащить, а сейчас
такой фокус не пройдет.

Выскакиваю из машины, накидываю капюшон на голову.
В паркинге холодно и пахнет бензином.

— Пошли, — хлопает по плечу и шагает прочь к дверям

лифтовой площадки.

Колеси́ки чемодана, который он катит за собой, неприятно поскрипывают.

Если он женится на этой шмаре, то это точно конец, и мама совсем слетит с катушек. Она тогда не просто свой бренд создаст, а захватит, блин, мир, чтобы всех нарядить в свои платья, лишь отвлечься от того, что у папы новая жена.

А когда эта жена ребенка родит?

Я должен что-то сделать. Меня начинает трясти.

— Борь, — папа оглядывается и ставит чемодан. — Я могу попытаться взять тебя на руки.

— Я не успокоился, — поскрипываю зубами. — нихрена я не успокоился. И нихрена твои книжки не помогают!

— Ты много ругаешься.

— Скажи! — мой голос прокатывается по парковке. — Ты ее любишь?! Любишь маму?! А?! Любишь? Или все? Скажи!

Глава 26. Я зол, очень зол

— Скажи, что ты ее разлюбил! — орет Борька и сжимает кулаки. — И закроем тему! Закроем, если ты ее не любишь!

И сколько в нем сейчас злости и безнадёги, будто мой ответ повлечет смерть всех его близких.

Я знал, что однажды он так закричит и задаст именно этот вопрос, от которого мне станет горько во рту.

Его

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.